

Бекетт – лучший британский автор
криминального жанра нашего времени.
«Sunday Express»

САЙМОН БЕКЕТТ

МЕРТВЫЕ
НЕ ЛГУТ

Доктор Дэвид Хантер

Саймон Бекетт
Мертвые не лгут

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бекетт С.

Мертвые не лгут / С. Бекетт — «Издательство АСТ»,
2017 — (Доктор Дэвид Хантер)

ISBN 978-5-17-108755-5

В жизни блестящего эксперта-криминалиста доктора Дэвида Хантера наступила черная полоса – его карьера висит на волоске, а личная жизнь трещит по швам. Поэтому звонок из полиции Эссекса раздается как раз вовремя... От тела, найденного среди болот и трясин Бэкуотерса, мало что осталось, и лишь настоящий гений криминалистики может ответить на три вопроса: Кем был этот несчастный? От чего умер? И имеет ли отношение к двум таинственным исчезновениям людей, которые так и не были раскрыты? Однако вскоре после приезда доктора Хантера в болота начинают находить все новые и новые останки – и кажется, этому не будет конца. Люди шепчутся, ходят ужасные слухи. Дэвид же хорошо понимает: бояться надо не мертвецов, а того, кто похоронил их в трясилах... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108755-5

© Бекетт С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Саймон Бекетт

Мертвые не лгут

Simon Beckett
THE RESTLESS DEAD

Печатается с разрешения Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Серия «Детектив – самое лучшее»

© Simon Beckett, 2017

© Перевод. А. А. Соколов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Хилари

Глава 1

Состоящее более чем на шестьдесят процентов из воды человеческое тело не способно держаться на поверхности. Оно плавает лишь до тех пор, пока в легких находится воздух, а затем постепенно уходит на дно. Если вода очень холодна и место глубокое, оно там и остается и так медленно гниет в темноте, что процесс может занять много лет.

Но если вода достаточно теплая, чтобы питать размножающихся бактерий, оно будет разлагаться. Во внутренностях накапливаются газы, и труп вновь обретает плавучесть.

После чего всплывает.

Лицом вниз с опущенными конечностями тело плывет по воде или неглубоко под поверхностью. И со временем в чреве тьмы его целостность нарушается – труп начинает распадаться. Сначала лишается того, что дальше всего от середины: пальцев, кистей и ступней. Затем рук, ног и, наконец, головы – отпадает все, пока не остается один торс. Когда выходят наружу последние образовавшиеся в результате разложения газы, труп тонет во второй раз и теперь навсегда.

Но вода может стать причиной другого преобразования. По мере того, как разлагаются мягкие ткани, разрушается слой подкожного жира, запечатывая некогда живое человеческое тело в своеобразную оболочку, получившую название трупный, или могильный, жировоск. Впрочем, у этой бледной субстанции есть иное, менее зловещее имя.

Мыло.

Заключенные в грязной белой пелене органы сохраняются, а тело в это время плывет в свое последнее путешествие.

Пока случай снова не вынесет его на свет дня.

Череп принадлежал юной девушке – на пол намекало более тонкое, чем у мужчин, строение. Лобная кость высокая и гладкая, а сосцевидный отросток под ушным отверстием слишком миниатюрен, чтобы быть мужским. Признаки, отнюдь не определяющие, однако, вместе взятые, не оставляли сомнений. К моменту смерти у покойницы прорезались все взрослые зубы. Это означало, что она была старше двенадцати лет, однако ненамного. Хотя недоставало двух коренных и верхнего переднего зуба – утраченных, возможно, после смерти, – остальные были почти не стерты. Это подтверждало выводы, сделанные после осмотра скелета, – девушка умерла задолго до двадцати лет.

Причина смерти была также очевидна. Почти в середине затылочной кости черепа зияла рваная дыра размером примерно в дюйм в длину и в полдюйма в ширину. Свидетельства лечения отсутствовали, края отверстия расщеплены, что предполагало, что удар был нанесен по живой кости. Картина была бы другой, если бы кость после смерти успела высохнуть и стала хрупкой. Подняв череп в первый раз, я удивился, услышав изнутри почти музыкальный стук, и решил, что его производят осколки кости, вбитые в мозг тем, что убило юную жертву. Однако звук был слишком громким и весомым. Рентген подтвердил мою догадку: в черепе находится небольшой предмет симметричной формы.

Наконечник стрелы.

Невозможно было сказать, какого возраста череп и сколько он пролежал в земле в продуваемых ветрами нортумберлендских болотах. С некоторой степенью определенности я решился бы утверждать – свыше пятисот лет: достаточный срок, чтобы сгнило древко стрелы и кость потемнела до цвета жженого сахара. Узнать о жертве ничего не удастся: ни кто она такая, ни почему приняла смерть. Я утешал себя мыслью, что выстреливший в нее убийца в то время, как она отвернулась или убегала от него, понес за преступление какое-то наказание. Но это тоже никак нельзя было узнать.

Когда я аккуратно заворачивал череп в папиросную бумагу и укладывал в приготовленный ящик, наконечник стрелы брякал, словно играли на ударнике. Вместе с другими собранными в университетском антропологическом отделе костями он послужит для обучения студентов – зловещий антикварный предмет, но достаточно древний, чтобы не бередить чувств. Я привык к таким вещам – Бог свидетель, всякого навидался, – но этот череп меня чем-то тронул. Возможно, оттого, что жертва была настолько юна, или жестокостью того, как убили девушку. Кем бы она ни была, но непременно была чьей-то дочерью. А теперь, спустя века, безвестная жертва складирована в лаборатории в картонную коробку.

Я вернул ее в железный шкаф, поставив рядом с остальными. Растерев затекшую шею, пошел к себе в кабинет и устроился за компьютером. Пока грузилась почта, будоражили ожидания по типу рефлекса Павлова, которые, как обычно, сменились разочарованием. Оказались одни мелочи академической жизни: вопросы от студентов, памятные записки от коллег и случайный мусор, который не отсортировал антиспамовский фильтр. И больше ничего.

Так продолжалось месяцами.

Одно из писем пришло от профессора Харриса, нового главы отделения антропологии, который напоминал, чтобы я запланировал встречу с его секретарем. *Обсудить возможности относительно моей должности*, как он деликатно сформулировал. У меня упало сердце, хотя ничего неожиданного в его предложении не было. Однако проблема на следующую неделю. Выключив компьютер, я повесил лабораторный халат и надел пиджак. И выходя в коридор, наткнулся на аспирантку.

– Добрый вечер. Хороших вам праздников, доктор Хантер.

– Вам того же, Джулия.

При мысли о длинных выходных настроение еще сильнее упало. Я по глупости принял предложение приятелей провести их в их загородном доме в Котсуолдсе. Это случилось несколько недель назад – впереди было столько времени, что, казалось, рано расстраиваться. Но вот дата подошла, и мой оптимизм рассеялся, тем более что предполагалось много гостей, которых я совершенно не знал.

Слишком поздно. Я отпер машину, покрутив электронным пропуском перед сканером, и дождался, когда поднимется парковочный шлагбаум. Понимал, насколько глупо садиться каждый день за руль и ехать в университет на машине, борясь с лондонским движением и преодолевая пробки, вместо того, чтобы добираться на метро, но не мог справиться с привычкой. В качестве полицейского консультанта я привык, что, если обнаруживался труп, меня могли вызвать в разные районы страны, и надо было быстро добираться до места. Но это было до того, как меня неофициально внесли в черный список. Теперь же поездки на работу на машине стали не столько необходимостью, сколько свидетельством собственных мечтаний.

По дороге домой я остановился у супермаркета, купить то, что, по моим понятиям, обязан захватить приезжающий в дом гость. Тронуться в путь я предполагал наутро, и значит, надо было прихватить также что-нибудь себе на ужин. Я меланхолично бродил между полок – вот уже несколько дней чувствовал себя немного подавленным, но относил это за счет апатии и скуки. Сообразив, что хожу по отделу готовых блюд, я мысленно себя отругал и двинулся дальше.

Весна в этом году опаздывала: зимние ветры и дождь не прекращались и в апреле. Насупленное небо не способствовало продлению светового дня, и когда я оказался на дороге, где живу, уже смеркалось. Отыскав место, чтобы поставить машину, я понес пакеты с покупками в квартиру. Она занимала первый этаж большого викторианского дома с общим с проживающими наверху соседями небольшим вестибюлем. Подойдя ближе, я увидел, что некий мужчина в комбинезоне что-то производит с входной дверью.

– Добрый вечер, шеф, – весело поздоровался он. В руке он держал рубанок, из сумки у ног торчали другие инструменты.

– Что происходит? – спросил я, заметив обструганное дерево вокруг замка и стружки на полу.

– Вы здесь живете? Кто-то пытался к вам проникнуть. Ваша соседка вызвал нас починить дверь. – Мастерской смахнул стружку и снова провел рубанком. – Никто не захочет жить в таком районе в незапирающемся помещении.

Переступив через его сумку с инструментами, я пошел переговорить с соседкой. Она въехала в дом всего несколько недель назад – яркая, привлекательная русская, работавшая, как я понимал, сотрудницей бюро путешествий. Мы редко разговаривали, если не считать обмена случайными любезностями, и теперь она не пригласила меня внутрь.

– Когда я возвратилась домой, дверь была сломана, – сообщила соседка и сердито тряхнула головой, распространяя волну запаха мускусной косметики. – Наверное, пытался влезть какой-нибудь наркоша. Они тащат все, что плохо лежит.

Наш район не считался престижным, но проблем с наркоманами было не больше, чем в других местах.

– Входная дверь была открыта?

Я проверил дверь своей квартиры, но она оказалась нетронутой. Никаких признаков того, что кто-то пытался проникнуть внутрь.

Соседка покачала головой, отчего заволновались ее густые темные волосы.

– Нет, только сломана. Подонок то ли с ней не сладил, то ли его спугнули.

– Вы вызвали полицию?

– Полицию? – Соседка презрительно фыркнула. – Да. Но им до нас никакого дела: снимают отпечатки пальцев, пожимают плечами и отваливают. Лучше поставить новый замок. На этот раз надежный.

Это было сказано с нажимом, словно недостатки прежнего замка были исключительно моей виной. Когда я спустился вниз, слесарь заканчивал работу.

– Все в порядке, шеф. Здесь нужно мазнуть краской, чтобы обструганное место не вздулось от дождя. – Он изогнул брови, показав два набора ключей. – Кому вручить счет?

Я поднял глаза на соседскую дверь – она была закрыта, и я вздохнул.

– Чеки принимаете?

После того, как слесарь ушел, я взял ведро и швабру и принялся убирать в вестибюле опилки. Завитки деревянных стружек скопились в углу. Я наклонился, чтобы вымести их, и, увидев свою руку на фоне черных и белых плиток пола, испытал головокружительный приступ дежавю. *Лежу в коридоре, нож непристойно торчит у меня из живота, кровь растекается по полу в клетку...*

Видение было настолько ярким, что перехватило дыхание. Распрямившись и почувствовав, как колотится в груди сердце, я заставил себя глубоко вздохнуть. Но момент уже проходил. Я открыл входную дверь и втянул в себя прохладный вечерний воздух. Господи, откуда только взялось? Давным-давно не накатывало. А теперь возникло, словно из ниоткуда. В последнее время я редко вспоминал о том случае. Сделал все, чтобы оставить в прошлом. И хотя физические шрамы напоминали о нем, я считал, что психологические раны зарубцевались.

Оказывается, нет.

Приходя в себя, я свалил мусор в ведро и вернулся в квартиру. Знакомое пространство было точно таким, каким я оставил его утром: некрикливая мебель в соответствующей размерности гостиной с кухней и маленьким личным садиком позади дома. Превосходное место для жизни, но, получив доказательства, насколько свежи воспоминания из прошлого, я понял, как мало у меня связано с этим местом счастливых моментов памяти. Как и с машиной, меня держала здесь исключительно сила привычки.

Не настало ли время перемен?

Мучаясь от ощущения безразличия, я распаковал покупки и взял из холодильника пиво. Я шел по проторенной дорожке, но перемены были неизбежны, хотел я этого или нет. Хотя меня нанял на работу университет, большая часть моих дел касалась консультаций полиции. В качестве судебного антрополога меня привлекали, если находили человеческие останки, но в таком печальном или разложившемся состоянии, что усилия обычного патологоанатома оказывались недостаточными. В высшей степени специфическая сфера деятельности, где действуют главным образом внештатные специалисты вроде меня, помогающие полиции идентифицировать останки и обеспечить ее всей возможной информацией относительно времени и характера смерти человека. Я стал накоротке со смертью во всем ее кровавом произволе, в совершенстве овладел языком костей, самоочищения и гниения. По меркам многих – страшное занятие, и были времена, когда мне приходилось бороться с самим собой. Несколько лет назад я потерял в автомобильной аварии жену и дочь: пьяный водитель лишил их жизни, не получив даже шрама. Преследуемый мыслями об этой трагедии, я бросил свое занятие и вернулся к прежней профессии врача-терапевта, занимаясь проблемами живых, а не мертвых. Похоронил себя в маленькой деревушке в Норфолке, чтобы оборвать все связи со старой жизнью и памятью о ней.

Но усилий хватило ненадолго. Реальность смерти и ее последствий меня нашла, и я чуть не потерял еще одного любимого человека, прежде чем признал, что от себя не убежать. На счастье или на беду, таков уж я есть, и в своем занятии умею себя проявить.

По крайней мере, так было раньше. Прошлой осенью меня привлекли к сложному расследованию в Дартмуре, к концу которого погибли двое полицейских и пришлось уйти в отставку высокопоставленному начальнику. Хотя винить меня было не в чем, я послужил невольным катализатором последующего скандала, а возмутителей спокойствия, как известно, не любят. И меньше всего в полиции.

Моя деятельность консультанта внезапно сошла на нет.

Неизбежно сработал эффект домино в университете. Официально я работал там по возобновляющемуся договору, а не на ставке. Такая система давала мне свободу, если требовались консультации в полиции, а университетское отделение выигрывало от сотрудничества со мной. Но одно дело – работник, которого привлекают к расследованию запутанных убийств, и совсем другое – человек, внезапно превратившийся в персону нон грата во всех полицейских подразделениях страны. Мой договор заканчивался через несколько недель, и новый глава отделения антропологии уже заявил, что не потерпит мертвого груза в своих владениях.

Вот так он оценивал меня.

Со вздохом я плюхнулся в кресло и сделал глоток пива. Мне совершенно не хотелось ехать на домашний праздник, но Джейсон и Анжа были моими старыми друзьями. Джейсона я знал с медицинского института и познакомился с женой на одной из их вечеринок. После смерти Кары и Алисы я порвал, как все остальное, свои дружеские связи и, вернувшись обратно, не собирался их возобновлять.

Но перед Рождеством Джейсон проявился, увидев мою фамилию в сообщениях о провальном дартмурском расследовании. С тех пор мы несколько раз встречались, и я порадовался, что в наших отношениях не возникло ожидаемой неловкости. С тех пор, как мы перестали общаться, они переехали в новый дом, и я был избавлен от горько-сладких воспоминаний, которые навевало бы на меня их прежнее жилище. Теперь они обитали в нелепо дорогом доме в Белсайз-Парке и имели другой в Котсуолдсе.

Туда мне предстояло отправиться наутро. Лишь приняв приглашение, я понял, в какую попал ловушку.

– Мы пригласили несколько человек, – сообщил мне Джейсон. – Среди них женщину, с которой Анжа хочет тебя познакомить. Она – специалист по уголовному праву, так что у вас

может быть много общего. Полицейские структуры и все такое. К тому же она одинока. Точнее – разведена, но это одно и то же.

– Как это понимать? – поинтересовался я. – Хочешь меня к кому-нибудь пристроить?

– Я нет, это все Анжа, – объяснил Джейсон с нарочитым терпением. – И вообще, перестань дурить. Разве смертельно познакомиться с красивой женщиной? Поладите – прекрасно. Не поладите, какие дела? Приезжай и посмотри, как все пойдет.

В конце концов, я согласился. Понимал, что Джейсон и Анжа желают мне добра, да и календарь моего социального общения в этот период был отнюдь не перегружен. Но теперь перспектива провести выходные с незнакомцами показалась ужасной. *Но отказываться поздно. Так что постарайся получить от встречи сколько возможно удовольствия.*

Устало поднявшись, я принялся готовить себе поесть. А когда зазвонил телефон, подумал, что это Джейсон – решил проверить, не передумал ли я к ним ехать. Мысль о том, чтобы извиниться и отказаться в последний момент, не покидала меня, но тут я заметил, что номер вызывавшего абонента не отразился на дисплее, и чуть было не отказался отвечать, предположив, что домогаются рекламщики. Но старые привычки снова взяли верх.

– Это доктор Хантер?

Говорил мужчина и по голосу в годах – староват для телефонного маркетинга.

– С кем имею честь?

– Я Боб Ланди, детективный инспектор из полиции Эссекса. – Он изъяснялся размеренно, почти неторопливо, и в его речи чувствовался скорее северный, чем эстуарный¹ выговор. – Я не вовремя?

– Нет, нет, все в порядке. – Я поставил пиво, мысли о еде моментально вылетели из головы.

– Прошу прощения, что тревожу вас в выходные. Мне вашу фамилию назвал старший детективный инспектор Энди Макензи, с которым, как я понимаю, вы некоторое время назад вели расследование убийства.

Его тон был таким, будто подразумевал вопрос, но я хорошо помнил Макензи. Тогда меня впервые привлекли к расследованию после того, как я потерял семью, и теперь услышать его имя сразу после того, как я возвращался мыслями в те времена, показалось до странности уместным. Тогда он был просто инспектором, и наши отношения складывались не всегда просто. Больше по моей, чем по его вине. И я оценил, что он порекомендовал меня.

– Совершенно верно. – Я старался не раздувать в себе надежды. – Чем могу помочь?

– Мы получили сообщение, что в устье реки Солтмир в нескольких милях по побережью от острова Мерсея замечен труп. Ночью работать не получится, но сразу после рассвета наступит отлив. У нас есть ясное представление, где искать, и как только достаточно посветлеет, можно начать поиски. Понимаю, лучше бы предупредить заранее, но не могли бы вы подъехать как можно раньше утром.

Мысль о празднике у Джейсона и Анжи мелькнула в голове, но всего лишь на мгновение и сразу пропала. Они поймут.

– Хотите, чтобы я участвовал в расследовании?

Мне приходилось иметь дело с утопленниками, но, как правило, меня звали после того, как вылавливали тело. Судебный антрополог требовался в тех случаях, когда от человека оставался один скелет или если разложение зашло достаточно далеко. Если же утопленник свежий или останки в относительно хорошем состоянии, мне там нечего делать. Бывали и ложные тревоги, когда за труп принимали плавающий на поверхности мешок для мусорного ведра или связку одежды.

¹ Термин, обозначающий неформальный, якобы бесклассовый английский, бытующий в Лондоне и окружающих столицу графствах.

– Если это возможно, да, – ответил Ланди. – Вот уже пару выходных яхтсмены замечают в это время тело. Они хотели поднять утопленника на борт, но, подплыв и почувствовав запах, передумали.

Хорошо, что они отказались от своего намерения. Если тело начинает вонять, значит, разложение зашло достаточно далеко, и если попытаться поднять его на борт, можно повредить. Тогда будет трудно отличить эти повреждения от тех, что причинили перед смертью. Так что лучше оставить все, как есть.

– Есть соображения, кто бы это мог быть? – Я повел глазами в поисках ручки и бумаги.

– Шесть недель назад пропал местный житель, – ответил Ланди. Если бы я не отвлекся, то обратил бы больше внимания на нотку сомнения в его тоне. – Мы считаем, что многое говорит за то, что это именно он.

– Шесть недель – большой срок, чтобы тело плавало в устье и его не нашли, – проговорил я.

Неудивительно, что яхтсмены ощутили запах. Случалось, что тела плавали неделями, а то и месяцами, но это, как правило, наблюдалось либо на большей глубине, либо в открытом море. В устье же, где тело дважды в день будет на мели и на виду, его должны были обнаружить раньше.

– Не совсем так, – возразил Ланди. – Теперь там мало судов и целая путаница заливчиков и затопляемых морской водой низин. Тело могло плавать там неделями.

Я царапал в блокноте, стараясь расписать ручку.

– Что по поводу пропавшего мужчины? Есть вызывающие подозрения обстоятельства?

Снова заметное колебание.

– У нас нет оснований полагать, что в деле замешан кто-нибудь еще.

Меня кольнула осторожность инспектора, и я отложил ручку. Если в деле больше никто не замешан, остаются естественные причины смерти, несчастный случай или самоубийство. По голосу Ланди можно было судить, что первые два пункта он исключает. Но это не объясняло, почему он настолько уклончив.

– В деле есть нечто щепетильное?

– Я бы не назвал это щепетильным. – Ланди говорил как человек, который тщательно подбирает слова. – Скажем так: на нас оказывают давление, чтобы мы установили, что это именно тот, на кого мы думаем. Завтра скажу вам больше. Мы собираемся у устричного промысла, но найти это место непросто. Вышлю указания электронной почтой, но имейте в виду, что в этой местности от спутниковой навигации толку мало. Потребуется время, чтобы нас найти.

Когда собеседник закончил разговор, я остался сидеть, глядя в пространство. Инспектор явно не хотел говорить по телефону всего, но я не мог представить, что осталось недосказанным. Вариант с самоубийством мог требовать деликатного подхода, особенно в обращении с родными, однако полицейские чины, как правило, не настолько застенчивы.

Ладно, скоро все узнаю. Включая, почему они хотят, чтобы я присутствовал при вылавливании тела. Даже если Ланди прав и тело находилось в устье несколько недель, пока непонятно, почему полиции требуется помощь судебного антрополога, чтобы вытащить его из воды. Обычно моя работа начиналась, когда труп привозили в покойницуку.

Однако спорить я не собирался. В первый раз за долгое время меня позвали на консультацию, так что можно надеяться, что официальное отношение ко мне смягчилось. *И слава богу*. Внезапно даже перспектива дружеского обеда у Джейсона и Анжи показалась не такой неприятной. Предстоит долгая дорога в Котсуолдс, но отдых не займет целый день. И меня поймут, если я немного опоздаю.

Настроение поднялось, чего не случалось последние месяцы, и я отправился собирать вещи.

Глава 2

Наутро я выехал еще затемно. Несмотря на ранний час, движение было плотным. По дорогам металась лучи фар грузовиков и первых автобусов. Но когда я покинул Лондон и направился на восток, стало свободнее. Вскоре исчезли фонари, и, когда городские окраины остались за спиной, ярче засияли звезды. Приглушенное свечение экрана спутниковой навигации создавало иллюзию теплоты, но на улице было еще прохладно, и пришлось включить отопитель. Зимние холода продолжались очень долго, и хотя календарь обещал весну, она оставалась всего лишь формальностью.

Проснулся я вялым и больным. И решил бы, что такое состояние вызвано легким похмельем, если бы накануне вечером выпил больше одной бутылки пива. Но после горячего душа и быстрого завтрака почувствовал себя лучше, и все мои мысли были заняты предстоящим днем, чтобы беспокоиться о чем-либо ином.

Утренние дороги казались мирными. Прибрежные болота Эссекса находились недалеко от Лондона. Унылые города в низинах и сельские районы вели постоянную борьбу с морем и нередко терпели поражение. Я не был знаком с юго-восточным побережьем, а инспектор Ланди сопроводил свои инструкции в электронном письме просьбой, чтобы я выехал заблаговременно. Сначала я решил, что он перестраховывается, но, взглянув в Интернете на карту эстуария реки Солтмир, убедился, что полицейский прав. Путаница проливов и солончаков, о которой упоминал инспектор, носила название Бэкуотерс и представляла собой граничивший с устьем лабиринт протоков и канав. На фотографиях со спутника они напоминали питающие артерию капилляры, до большинства из которых можно добраться только на лодке. Но только не в отлив, когда вода спадает, обнажая бесплодное грязевое пространство. Дорога, по которой мне предстояло ехать, шла по краю, но казалась узкой и извилистой.

По мере того, как светлело впереди небо, тускнел экран спутникового навигатора. В стороне замаячил силуэт нефтеперегонного комбината на острове Кэнви – усеянные сверкающими огнями черные геометрические формы. Машин на шоссе прибавилось, но затем я свернул на боковую дорогу, и они исчезли – я снова ехал один навстречу разгорающемуся рассвету.

Вскоре выключил навигатор, полагаясь только на указания Ланди. Пейзаж походил на плоский лист бумаги, помеченный только зарослями боярышника и редко – домом или амбаром. Следуя инструкциям инспектора, я проехал через стоящий у горловины русла небольшой, унылый на вид городок под названием Кракхейвен. Миновал отделанные галечником бунгало и каменные коттеджи и оказался у бухты, где в грязи под углами друг другу лежали покрытые коростой рыбацкие лодки и траулеры, дожидаясь высокой воды, чтобы снова обрести достоинство и смысл.

Непривлекательный городок, и я без сожаления оставил его позади. Дорога продолжалась вдоль русла; там, где в прилив вода заливала берег, асфальт местами разрушился. Судя по всему, недавно. Прошедшая зима способствовала наводнениям, но, занятый своими проблемами в Лондоне, я мало следил за сообщениями о береговых штормах. Здесь же их прочувствовали в полной мере: на дороге и на окрестных полях я заметил выброшенные морские водоросли. Наблюдая последствия глобального потепления, понимаешь, что оно не просто предмет споров между учеными.

Я следовал по дороге к входу в устье. В отлив оно представляло собой испещренное лужами и ручейками грязное пространство. Я уже начал сомневаться, не пропустил ли поворот, но увидел впереди на берегу ряд низких строений. Рядом полицейские машины, и, чтобы не осталось сомнений, знак подтвердил, что передо мной *Солтмирская устричная компания*.

У ворот дежурил полицейский констебль и, прежде чем меня пропустить, с кем-то переговаривал по рации. Я поставил машину на раскрошившуюся асфальтовую площадку рядом с

полицейскими автомобилями и фургоном перед брошенными устричными ангарами. Когда, одеревеневший от долгой езды, я вышел из теплого салона, холодное утро обрушилось на меня, словно душ. Воздух наполнился криком чаек, и в нос ударил запах гниющих водорослей с солоноватым земным привкусом открывшегося дна. Сделав глубокий вдох, я обвел глазами картину приливно-отливного пейзажа. Вода ушла, и эстуарий выглядел так, словно некий великан прокопал длинный ров, оставив после себя лишь ровную грязь с пойманными в ловушку лужами. Было в этом что-то от унылой лунной оголенности. Но прилив уже начался, и вода прибывала: в трещинах на дне русла, наполняя их до краев, заструились ручейки.

Изменившийся ветер принес ритмичное тарактение вертолета – то ли полицейского, то ли береговой охраны. Я различил сновавшее на воде взад и вперед пятнышко. Те, кто занимались поиском, хотели по максимуму воспользоваться световым днем и низкой водой. Плавающее тело выделяет недостаточно тепла, чтобы его засекло инфракрасное оборудование, его также трудно обнаружить с воздуха, особенно если оно перемещается под поверхностью. Немного времени, чтобы найти останки, затем вода поднимется и снова их унесет.

Так что хватит бредить, приступай к делу. Полицейский в фургоне сообщил мне, что инспектор Ланди находится на стороне причала. Я обошел закрытые устричные ангара и, выйдя с фасада и увидев в конце бетонного эллинга фургон с полицейской жестко-корпусной надувной лодкой на прицепе, понял, почему поиски решили начать с этого места. Эллинг понижался к глубокому каналу в дне сразу за набережной. Прилив зальет первым делом его и позволит спустить лодку на воду до того, как наполнится все устье. Глубины пока не хватало, но, судя по воронкам и завихрениям на поверхности, ждать придется недолго.

У лодки стояли несколько мужчин и женщин и тихо разговаривали; от пластиковых чашек в их руках в воздух поднимался парок. На некоторых была полувоенная форма: синие брюки и рубашки под объемными спасательными жилетами, из чего я заключил, что они из морского ведомства. Другие носили гражданскую одежду.

– Как мне найти инспектора Ланди? – спросил я.

– Это я, – ответил один из группы и повернулся ко мне: – Доктор Хантер, если не ошибаюсь?

Внешность человека непросто представить по голосу, но в случае с Ланди это было нетрудно: его голос прекрасно соответствовал его внешности. Ему было слегка за пятьдесят, и он был похож на стареющего и начинающего толстеть борца: спортивную форму потерял, но кряжистая фигура и мускулатура остались при нем. Топорщащиеся усы придавали ему вид добродушного моржа, а округлое лицо за очками в металлической оправе казалось то жизнерадостным, то мрачным.

– Вы рано. Нашли нас легко? – Он пожал мне руку.

– Хорошо, что получил ваши инструкции, – признался я. – Вы были правы по поводу навигатора.

– Недаром же это место зовут Блэкуотерс². Пойдемте раздобудем вам чашку чая.

Я думал, мы направимся к фургону, но он повел меня за ангара к своей машине – старенькому «Воксхоллу», выглядевшему таким же крепким, как его хозяин. Открыв багажник, инспектор достал большой термос и налил в две пластиковые чашки горячего чаю.

– Поверьте, он лучше, чем предлагают в фургоне, – заверил он меня, завинчивая крышку. – Если только переносите сахар. Знаете ли, я сладкоежка.

Я сладкоежкой не был, но чаю обрадовался и жаждал больше услышать о ходе расследования.

– Есть какой-нибудь прогресс? – Я пригубил горячий напиток.

² Backwater (англ.) – запруда, застой.

– Пока нет, но вертолет работает с самого рассвета. К нам направляется старший следователь Пэм Кларк с патологоанатомом. Но нам дана отмашка брать тело, как только мы его обнаружим.

Его слова меня удивили. Старший следователь и патологоанатом прибывают, если останки обнаружены на суше, – к потенциально возможному месту преступления, которое и следует рассматривать таковым. Но это не всегда практично, если тело обнаружено в море, где операция зависит от прихоти приливов и течений. В подобных обстоятельствах считается, что самое главное – как можно быстрее получить труп.

– Вы упомянули, что хорошо представляете, где искать тело? – спросил я.

– Мы так полагаем. Его заметили в устье вчера около пяти часов вечера. С отливом его быстро потащило в море, и, если вынесло, мы зря теряем время. Но готов поспорить, оно задержалось здесь. Взгляните туда.

Ланди указал толстым пальцем на выход из устья примерно в миле от нас. Я заметил поднимающуюся с илистого дна грядку похожих на коричневые холмы груд.

– Это наносы – тянущиеся поперек устья песчаные отмели. Установленные вдоль побережья защитные сооружения ослабляют течения, и весь песок, который выносит река, остается у ее порога. Только суденышки с малой осадкой способны даже во время прилива выходить в море и возвращаться обратно, так что есть надежда, что и тело не преодолело преграду.

Я взгляделся в далекие песчаные банки.

– Как вы планируете его доставать?

Я полагал, что приехал именно за этим: давать советы, как лучше вытаскивать труп без риска его еще больше повредить, если он и без того в плохом состоянии. По-прежнему считал, что мое присутствие здесь не обязательно, но зачем еще меня сюда позвали? Ланди осторожно подул на горячий чай.

– Зависит от топкости места, где мы его найдем. Если на песчаной банке, вертолетом вывезти не получится – там слишком мягкий грунт для посадки. Попытка приземления может кончиться плохо. Лодка самый надежный вариант, поэтому остается надеяться, что мы доберемся до трупа до того, как ее унесет приливом. – Он ухмыльнулся. – Надеюсь, вы захватили сапожки.

Памятуя, каково доставать тело из воды, я захватил кое-что получше – болотные сапоги. Хотя по тому, что здесь увидел, было ясно, что работа предстоит не из легких.

– Вы упомянули, что представляете, кто бы это мог быть.

Ланди отхлебнул чаю и тронул усы.

– Совершенно верно. Было заявлено, что месяц назад пропал тридцатидесятилетний местный житель Лео Уиллерс. Его отец сэр Стивен Уиллерс. Ничего не говорит?

Последнюю фразу он облек в вопросительную интонацию, но фамилия мне ничего не сказала, и я покачал головой.

– Семья здесь известная. Видите эти земли? – он обвел рукой окружающее нас пространство, захватив гораздо шире русла. Они лежали несколько выше того места, где мы стояли, и представляли собой не соляные болота с протоками, а возделываемые поля, помеченные черными линиями защитных живых изгородей. – Владения Уиллерсов. По крайней мере, некоторые из них. И с нашей стороны тоже. Семья занимается земледелием, но сэр Стивен этим не ограничивается – сланцевая смола, обрабатывающая промышленность тоже предметы его интересов. Эти устричные ангары тоже принадлежат ему. Купил промысел примерно десять лет назад, через полгода закрыл и всех уволил.

– Представляю, какой это вызвало резонанс. – Я начал понимать, о каком давлении Ланди говорил по телефону.

– Не такой ужасный, как можно было бы подумать. У него был план превратить это место в пристань для яхт. Прорыть в эстуарии каналы, построить отель, изменить всю округу. Тогда

бы появились сотни рабочих мест для местных жителей, и это сняло бы остроту закрытия устричного производства. Но возникло множество возражений от защитников окружающей среды, и сэр Стивен заморозил идею. Он может себе позволить играть в долгосрочные игры, и у него достаточно политического влияния взять в итоге верх.

Люди такого сорта обычно побеждают. Я обвел глазами грязное дно эстуария, куда уже возвращалась приливная вода.

– Сын участвовал в его планах?

– Нет. Во всяком случае, не прямо. Лео Уиллерс, что называется, «паршивая овца». Единственный ребенок, мать умерла, когда он был еще маленьким. Выгнали из частной военной школы, ушел с последнего курса Университетского корпуса подготовки офицеров. Отец устроил его в Королевскую военную академию, но и ее он не закончил. Без каких-либо официальных причин, так что остается предположить, что случилась некая неприятность, но сэр Стивен употребил свое влияние, чтобы ее скрыть. Затем один скандал следовал за другим. Благодаря материнскому доверительному фонду Лео был обеспечен, не нуждался в работе, и, судя по всему, ему нравилось баламутить все вокруг. Смазливый малый, с девушками вел себя, как лис в курятнике. Расстроил пару помолвок и то и дело попадал во всевозможные истории: от вождения автомобиля в нетрезвом виде до нападений с применением насилия. Его отец оберегал достоинство фамилии Уиллерсов, и семейные адвокаты были постоянно при деле. Но даже он был не в состоянии все замять. – Ланди встревоженно посмотрел на меня. – Это не для протокола.

Я постарался не улыбнуться.

– Никому ни слова.

Он удовлетворенно кивнул.

– В двух словах: был период, когда казалось, что Лео уgomонился. Отец, видимо, тоже так решил, потому что вознамерился ввести его в политику. Пошли разговоры о его выдвижении в местные члены парламента, интервью в прессе. Обычная муть. И вдруг все стихло. Местная партийная организация подыскала другого кандидата, а Лео Уиллерс выпал из поля зрения. Мы так и не выяснили, почему.

– И в этот момент он пропал?

Ланди покачал головой.

– Нет, все это было раньше. Но пропал другой человек – женщина, с которой у Лео была связь.

Оказывается, я понял все не так. Решил, что речь идет о поисках пропавшего мужчины. Решил, что Лео Уиллерс стал жертвой, но он таковой не являлся.

Он был подозреваемым.

– Информация строго конфиденциальная. – Инспектор понизил голос, хотя рядом никого не было. – Она не имеет отношения к сегодняшнему событию, но подоплека такова.

– Вы считаете, что Лео Уиллерс убил ту женщину?

Ланди пожал плечами.

– Тело мы не нашли, так что не смогли ничего доказать. Но он был единственным серьезным подозреваемым. Женщину звали Эмма Дерби. Эффектная, блистательная, она была фотографом и переехала сюда из Лондона два года назад после того, как вышла замуж. Женщин такого сорта не ждешь встретить в местах вроде нашего. Уиллерсы наняли ее снимать Лео для публичной кампании, когда тот собирался в политику, и поручили заняться дизайном интерьеров дома. Но, судя по всему, этим не ограничилось, поскольку экономка и садовник утверждали, что видели, как из спальни сына хозяина выходила соответствующая описаниям Дерби женщина.

Ланди неодобрительно поморщился, похлопал себя по карманам, достал пачку антацида и выдал из фольги пару таблеток.

– Но, похоже, они рассорились, – продолжал инспектор, прожевывая таблетки. – У нас было несколько свидетелей, которые незадолго до ее исчезновения слышали, как на каком-то шикарном политическом сборище Дерби кричала на Лео и называла напыщенным хлыщом.

– Вы его допрашивали?

– А что толку? Он отрицал, что имел с ней связь. Заявил, что она липла к нему, но он ее чарам не поддался. Трудно поверить, учитывая его репутацию, тем более что на день ее исчезновения у него не было алиби. Заявил, что отлучался, но не сказал, куда, и ничем не подтвердил своих слов. Лео что-то явно скрывал, но семейные адвокаты все разбивали. Грозил, что обвинят нас в незаконном преследовании, если мы будем продолжать притеснять его подозрениями. Без тела и улики мы ничего не могли поделать. Обыскали округу дома Эммы Дерби и ее мужа, но там одни непролазные солончаки и затапливаемые во время прилива пространства. Идеальное место, если нужно избавиться от трупа. Черта с два в этом углу что-нибудь отыщешь. А затем пропал сам Лео Уиллерс – вот такие дела.

Я вспомнил, что Ланди сказал накануне вечером по телефону.

– Вы утверждали, что его исчезновение не вызывает подозрений, но у такого, как он, человека могли быть враги. Как насчет мужа Эммы Дерби?

– О, к нему-то мы присмотрелись. По правде сказать, не подходящая Эмме пара. Значительно старше ее, и известно, что между ними начались трения до того, как жена связалась с Уиллерсами. Но когда она исчезла, его в стране не было. И когда пропал ее ухажер, он тоже находился в Шотландии. Его алиби в обоих случаях тщательно проверяли. – Ланди скривил губы. – По поводу врагов Уиллерса вы правы. Решусь утверждать, что мало кто пролил слезы по поводу его исчезновения. Но не было повода кого-нибудь заподозрить, да и подозрительного мы также ничего не нашли. Мы получили сведения, что незадолго до пропажи Лео садовник прогнал с территории дома каких-то шатающихся типов, но это скорее были местные подростки.

Я посмотрел на устричные ангары, на скрывающееся под прибывающей водой дно эстуария.

– Таким образом, вы полагаете, что Лео наложил на себя руки?

Я вспомнил уклончивость инспектора по телефону, которая заставила меня заподозрить, что история с Лео не несчастный случай.

Ланди пожал плечами.

– Он испытывал сильный стресс, и нам известно, что в подростковом возрасте он, по крайней мере, раз пытался неудачно покончить с собой. Юристы сэра Стivenса не позволили ознакомиться с его медицинской картой, но, по словам людей, Лео мучили приступы депрессии. И еще его записка.

– Предсмертная записка?

Ланди поморщился.

– Официально мы ее так не называем. Сэр Стiven не желает, чтобы кто-нибудь считал, что его сын покончил с собой, и нам приходится вести себя деликатно. Записку нашли в мусорном ведре Лео, из чего можно сделать вывод, что это либо черновик, либо он передумал ее оставлять. Но почерк его, и в записке говорится, что он больше так не может, что жизнь ему ненавистна, ну, и все такое. Домработница сказала, что исчезло также ружье Лео. Ручной работы фирмы «Мобри и сыновья». Слышали о такой?

Я покачал головой – больше был знаком с последствиями применения огнестрельного оружия, чем с его производителями.

– Сравнима с Джеймсом Перде, если речь идет об экземплярах на заказ. Красивое исполнение, если вам нравятся вещи такого сорта, и феноменально высокая цена. Отец Лео подарил ружье ему на восемнадцатилетие. Стоило, наверное, не меньше моего дома.

Не менее смертоносны могут быть и не такие дорогие ружья. Но я начинал понимать, почему Ланди держался так осторожно. Самоубийство всегда испытание для семьи, особенно если ушедшего из жизни человека самого подозревали в убийстве. Такой двойной удар трудно принять любому родителю, поэтому неудивительно, что сэр Стивенс все отрицал. От других его отличало то, что он был богат и благодаря своим деньгам мог своего добиться.

Но если обнаружится, что найденное тело принадлежит его сыну, ситуация для него может осложниться.

Далекая точка вертолета была по-прежнему видна, хотя теперь ветер относил от нас звук. Казалось, он застыл на месте и никуда не двигался.

– Что дает вам повод полагать, что это Уиллерс, а не Эмма Дерби? – Я сомневался, чтобы заметившие труп яхтсмены могли определить пол.

– Она пропала семь месяцев назад, – ответил Ланди. – После такого срока вряд ли получится увидеть тело.

Он был прав. Хотя тело, как только из легких выйдут остатки воздуха, тонет, но затем, когда выделяющиеся в результате разложения газы придают ему плавучесть, снова поднимается на поверхность и в зависимости от температуры и других условий плавает до нескольких недель, семь месяцев слишком большой срок. Особенно на относительно мелководье в устье. Приливы, морские падальщики и голодные чайки давно бы его уничтожили.

Но даже при том существовало нечто такое, что я не мог понять. Я вспомнил все, что сказал мне Ланди, и попытался соединить воедино.

– Таким образом, Лео Уиллерс исчез не раньше, чем через шесть месяцев после пропажи Эммы Дерби?

– Примерно так, хотя мы не уверены, когда именно. Остается двухнедельный разрыв между тем, как с ним общались в последний раз, и заявлением о его исчезновении. Но можно не сомневаться...

Со стороны набережной раздался свист, и инспектор осекся. Из-за устричного ангара показался один из моряков, поднял вверх большой палец и скрылся обратно. Ланди вытряхнул из чашки последние капли чая.

– Надеюсь, доктор Хантер, вы готовы замочить ноги. – Он навернул на термос крышку. – Похоже, с вертолета что-то обнаружили.

Глава 3

Надувная лодка накренилась на борт, и мне в лицо ударили соленые брызги. Я стер их с глаз и вцепился в край сиденья подсакивающего на воде суденышка. Особенного волнения в устье не было, но мы шли против прилива и ветра. Лодку подкидывало, когда нос натыкался на волну, и через незащищенный борт на нас летела завеса пены.

Полностью рассвело, но солнца было не видно – лишь в закрывающих небо облаках светило рассеянное пятно. Запах пластикового каркаса смешивался с выхлопом дизельного мотора и просоленного каната. Управлял лодкой морской сержант и, сжимая небольшой штурвал, легко преодолевал волны. Я сидел за ним вместе с Ланди и тремя другими моряками в спасательных жилетах. В лодке было тесно: кроме нас шестерых в нее погрузили две стопки алюминиевых пластин, разместив так, чтобы не нарушать баланс.

Когда лодка натыкалась на волну, меня подкидывало на сиденье. Ланди посмотрел на меня сквозь запорошенные брызгами очки и улыбнулся.

– Вы в порядке? – крикнул он мне, перекрывая свист ветра и гул мотора. – Скоро будем на месте.

Я кивнул. Мне приходилось плавать, когда я был моложе, и болтанка на меня не действовала. Но самочувствию не помогало неприятное ощущение под ложечкой, с которым я проснулся, хотя я старался о нем не думать. Мне тоже дали спасательный жилет, но не синий, как у моряков, а ярко-оранжевый. В болотных сапогах по пояс и непромокаемом комбинезоне сидеть, прямо скажем, не слишком удобно. Но, глядя на грязные берега русла, я понимал, что потом порадуюсь, что все это на мне.

Вода прибывала с удивительной быстротой. Пока я переодевался и брал из машины саквояж с инструментами, моряки уже сняли лодку с прицепа и спускали с эллинга. Канал перед парашютом до краев наполнился водой, волны лизали наклонную бетонную плоскость, и грязное дно русла скрывалось под наступающим морем.

– Времени у нас немного, – предупредил Ланди, когда мы стояли у эллинга. – С вертолета сообщают, что тело дрейфует к песчаной банке, но надолго оно там не задержится. Прилив здесь такой, что человеку не угнаться. Придется работать быстро.

Судя по тому, что я видел, не быстро, а очень быстро. Предстоит настоящая гонка, чтобы достать труп до того, как его опять унесет, и это снова ставило вопрос, зачем я здесь. Хотя я предпочел бы исследовать труп там, где его обнаружили, здесь, похоже, времени для этого не оставалось. Первостепенная задача как можно скорее добыть труп. Ланди и моряки могли с ней прекрасно справиться без меня.

Я взглянул на целивший на глубину посредине устья тупой нос лодки и перевел взгляд на песчаные банки. Они лежали прямо по курсу – естественный барьер, перегораживающий пространство почти от берега до берега. Прилив накатывал на них, но они поднимались над поверхностью округлыми коричневыми буграми, напоминая спины выброшенных на мелководье китов. За ними река соединялась с морем, и я заметил три выступающих из воды сооружения. Рассмотреть детали из скачущей лодки мне не удалось – конструкции напоминали квадратные кубы на пирамидальных опорах. Возможно, нефтяные вышки, но стоят слишком близко к берегу.

Инспектор заметил мой интерес.

– Морской форт, – объяснил он.

– Что? – не понял я.

Нам приходилось перекрикивать грохот мотора.

– Морской форт Гая Маунселла. Во время Второй мировой войны такие строили вдоль побережья армия и флот, чтобы не позволить германским кораблям заходить в устье. Этот

армейский. Здесь некогда стояло семь соединенных переходами башен, но теперь осталось только три.

– И до сих пор используются? – крикнул я.

Ланди что-то ответил, но из-за ветра и мотора я не расслышал и покачал головой в знак того, что не понял. Он наклонился ко мне.

– Я сказал, только чайками. В шестидесятых годах на некоторых работали пиратские радиостанции. Например, здесь и на Красных Песках в устье Темзы. Но затем оборудование демонтировали, или оно само пришло в негодность. Некоторое время назад шли разговоры, чтобы превратить здешние башни в гостиницы, но дальше проектов не пошло. – Инспектор, изумляясь человеческой глупости, мотнул головой. – Не удивительно. Я бы не хотел в такой остановиться.

Я бы тоже не захотел, но мы уже были у самых песчаных банок, и я оставил попытки дальнейших разговоров.

Моряк сбавил обороты двигателя, лодка стала медленно приближаться к цели, и – о блаженство! – болтанка стихла. Я услышал шум винта вертолета. Он завис впереди над телом и подавал нам сигналы, моргая прожектором.

Сержант осторожно вел суденышко между возвышающимися вокруг, словно островки, песчаными банками. Волны лизали их покатым боком. Вскоре их совершенно закроет вода, и я понял, что имел в виду Ланди, когда говорил, что из-за этих отмелей путь в эстуарий закрыт. Даже когда они видны, маневрировать среди них нелегко, но когда скроются под поверхностью, станут предательски опасными.

Мы оказались почти точно под вертолетом. Винт оглушал, молотил нас потоками воздуха и разглаживал поверхность моря.

– Вот!

Инспектор указал на что-то впереди, но его крупная фигура загораживала мне обзор. Затем лодка замедлила ход, описала круг, и я в первый раз увидел тело. Прилив выбросил его на половину высоты грязного склона песчаной отмели. Промокший пук одежды застыл в таком покое, какой доступен только неодушевленному и мертвым. Труп лежал лицом вниз. Ближе всего к воде голова, ноги и ступни протащило по песку под углом к нам. Поблизости села чайка, но, подскакав к телу и изучив его, потеряла к нему интерес.

Я понял, что утопленник не свежий.

Ланди что-то сказал в рацию и поднял руку, давая понять вертолету, чтобы он набрал высоту и отошел в сторону. Сержант заглушил двигатель, но лодка продолжала движение по инерции, и во внезапной тишине мы ощутили толчок, когда она ткнулась носом в дно. Торопясь к телу, я начал выбираться за борт. Песчаная банка выглядела плотной, но на самом деле была похожа на холодный крупитчатый известковый раствор. Я чуть не потерял равновесие, когда мои ноги ушли в него по колено.

– Осторожнее! – Ланди схватил меня за руку. – Лучше дождитесь, когда выложат пластины под ноги. – Здесь шутки плохи: глазом не моргнете, уйдете в почву по пояс.

– Спасибо, – смутился я, порадовавшись, что на мне болотные сапоги. Стало понятно, почему полицейские не решились спускать людей с вертолета. Они бы рисковали не только не поднять тело, но и увязнуть самим.

Моряки, прокладывая дорожку к телу, стали укладывать на песок пластины. Металлические квадраты утопали под нашим весом, и из-под их краев выступала вода. Вскоре они сделались неустойчивыми и скользкими, но это было все-таки лучше, чем ступать по мокрому песку.

Я ждал, пока они закончат свое дело, и изучал положение конечностей трупа. Прилив вынес тело так, как оно плавало – лицом вниз. На человеке было длинное темное пальто из вощеного хлопка или сходного плотного материала, которое продолжало надувать изнутри не нашедшими выход газами. Одна рука прижата к телу, другая задрана к голове.

Даже с того места, где я находился, было видно, что кистей и ступней не хватало.

– Хочу на него взглянуть до того, как мы его тронем, – сказал я Ланди, когда моряки кончили выстилать дорожку. Он кивнул.

– Только недолго. Еще несколько минут, и все это уйдет под воду.

Хотя он меня предупреждал, я удивился тому, насколько быстро возвращалось море. Все время, которое потребовалось на укладку алюминиевых плит для ног, оно не теряло темпа и успело подняться до середины склона песчаной банки.

Стараясь не поскользнуться на грязном металле, я направился к труп. Лежащий человек казался жалким, вроде ненужной вещи, которую за ненадобностью выбросили на помойку. Оставляя стреловидные следы на мокрому песке, к нему подбиралась еще одна чайка. При моем приближении птица взмыла в воздух и, протестуя крикнув, улетела прочь. В цинковом небе кружили другие, но, как и первая, не обращали внимания на то, что лежало на песчаной отмели. Это говорило многое о состоянии тела. Если такие прожорливые падальщики, как чайки, отворачиваются от еды, значит, разложение зашло очень далеко.

Еще секунда, и я получил тому подтверждение: переменялся ветер, и к соленому запаху моря добавилась вонь гниющей животной плоти. Я остановился в нескольких футах и стал изучать тело. Даже по лежащим скрюченным останкам было видно, что при жизни человек обладал ростом выше среднего. Из этого следовал вывод, что мертвец, скорее всего, мужчина, хотя и не обязательно – он мог оказаться и необычно высокой женщиной. Почти всю голову закрывало длинное пальто, собравшееся наверху наподобие капюшона, так что на виду остались всего несколько редких прядей забитых песком волос.

Я наклонился, чтобы лучше рассмотреть тело. Из штанин высовывались мертвенно-бледные концы костей, руки кончались запястьями. На одном из них в раздутой плоти блестели золотые часы. Никаких следов ни ступней, ни кистей, но я бы удивился, если бы они валялись где-нибудь рядом. Хотя мне не раз приходилось иметь дело с трупами, которых лишали конечностей, чтобы помешать опознанию, в данном случае не было свидетельств того, чтобы их отрубали. Лишенные защиты, кисти и ступни отпали после того, как сгнили соединительные ткани суставов.

Я достал фотоаппарат из нагрудного кармана, прикрепленного к лямкам моих болотных сапог, и, делая снимки, не заметил, как подошел Ланди, пока тот не заговорил.

– Вы можете получить копии нашего видео.

Я оглянулся: для такого крупного мужчины он даже по плитам ступал необыкновенно легко.

– Спасибо, но я все-таки сделаю несколько своих.

Я всегда так поступал и, если что-нибудь упустил, мог винить лишь себя одного. Ланди стоял рядом и смотрел на труп.

– Судя по всему, мужчина. Пробыл в воде достаточно долго, чтобы лишиться кистей и ступней. Срок, похоже, соответствует тому, когда пропал Лео Уиллерс.

Я ждал, чтобы он начал задавать вопросы. Оценка времени с момента смерти что-то вроде моей специализации. Я совершенствовал свои познания на «ферме» человеческих останков в Теннесси, где трупами пользуются для экспериментов с разложением. Узнал, как определить, когда умер человек, оценивая бактериологическую активность и степень разложения, пользуясь специальными формулами для анализа уровня расщепления жирных кислот. Могу без ложной скромности утверждать, что не хуже большинства судебных энтомологов разбираюсь в жизненном цикле мясных мух и других населяющих трупы насекомых. С годами точная оценка таких вещей превращается во вторую натуру.

Но все это на земле. На суше тело находится в неподвижности, и природа – союзник исследователя – обеспечивает его оценочными данными. Вода – другое дело. Хотя морские падальщики не наносят заметного урона, в воде нет эквивалента мясной мухе, жизненный цикл

которой служит своеобразным хронометром изменений с момента смерти. Плавающее тело находится в движении, меняет глубину и, следовательно, температуру окружающей среды, оно подвержено течениям и приливам. В руслах вроде этого ситуация еще сложнее: в таких местах река встречается с морем и сливаются соленая и пресная экосистемы.

Я посмотрел на тело. За исключением култей рук и ног, его полностью закрывало пальто. Но я все-таки увидел достаточно.

– В таких условиях даже в нынешнее время года потребуется недолгий срок, чтобы кисти и ступни отвалились. Таким образом, да... – Я в последнее мгновение удержался и не добавил «но». В здешнем мелководье, чтобы их лишиться, явно хватит от четырех до шести недель. Не это меня тревожило, но я не хотел продолжать до тех пор, пока не увижу больше.

Ланди выжидательно смотрел на меня, словно рассчитывал, что я что-нибудь добавлю. А когда понял, что больше ничего не последует, сказал:

– Хорошо. Надо перенести его в лодку.

Я посторонился, пропуская по плитам двух моряков с носилками. За ними шел сержант с мешком и сложенным пластиковым листом.

– Как нам это сделать? – спросил один, опустив носилки и с отвращением глядя на лежащий вниз лицом труп.

– Переверните на лист, тогда мы сможем его поднять и поместить в мешок, – проинструктировал подчиненных сержант. Затем повернулся к Ланди, в последнюю секунду вспомнив также обо мне. – Не будет других указаний, сэр?

– Все так, только хорошо бы не развалить его на куски, – спокойно согласился инспектор. – Ваше мнение, доктор Хантер?

Поскольку особенного выбора не было и, понимая, что вопрос – простая формальность, я пожал плечами.

– Только обращайтесь с ним поаккуратнее.

Сержант переглянулся с одним из своих моряков, без слов комментируя мое указание. Когда рядом с трупом развернули и расстелили пластиковый лист, море уже подобралось к его голове. На всех моряках были маски, толстые резиновые перчатки и высокие болотные сапоги вроде моих по грудь. Покончив с фотографиями, я тоже натянул перчатки на тонкие резиновые, которые были у меня на руках.

– Аккуратно и бережно! Поднимаем и переворачиваем на счет три. Один, два...

Тело лениво колыхнулось и, выпустив на песок струю влажного нечистого газа, улеглось на спину на лист. Один из моряков отвернулся и закрыл ладонью нос.

– Замечательно.

В том, что было одето в пальто и лежало на пластиковом листе, не осталось ничего человеческого. Ни намек на возраст, расу или пол. Большая часть кожи и мяса с черепа слезли, вместо глаз зияли пустые дыры глазниц. Беззащитные железные глазные яблоки – первейшая добыча падальщиков. Появились также первые признаки трупного воска – грязно-белой субстанции, – словно на останки накапали расплавленной свечой. Вместо лица карикатура: пустые глазницы забиты песком, вместо носа огрызок хряща. Этого следовало ожидать, учитывая, сколько времени тело провело в воде.

А вот нижней части лица не доставало вовсе. Где должен находиться рот, зиял провал, демонстрируя хрящевую ткань в глубине горла. Нижняя челюсть, или мандибула, исчезла, а на верхней сохранилось всего несколько столбиков зубов.

Когда тело перемещали на пластиковый лист, голова склонилась набок. Ее больше не закрывал воротник пальто, и я увидел на затылке то, что мне показалось выходным отверстием раны. Дыра в затылке была такой величины, что пролез бы кулак.

Ланди меланхолично посмотрел на отверстие и спросил:

– Как по-вашему, доктор Хантер, ружье?

Я понял, что хмурюсь, и распрямылся.

– Похоже на то.

Повреждения нижней части лица предполагали мощное воздействие заряда ружья, а не пистолетной или винтовочной пули.

– Что-то впечаталось в заднюю стенку горла.

Не касаясь тела, я наклонился, чтобы лучше рассмотреть. В поврежденной кости застрял коричневатый диск, слишком правильной формы, чтобы быть естественного происхождения.

– Пыж из ружейного патрона, – сказал я, не пытаясь его извлечь.

Это подтверждало предположение о виде оружия. Хотя вряд ли в этом были сомнения, а вот дробины в теле вряд ли удастся найти. Дробь ружейного заряда начинает рассеиваться, как только вылетает из ствола. И чем больше расстояние до цели, тем значительнее рассеивание и больше рана. По относительно небольшому размеру этой можно было судить, что дробины летели кучно и так пробили затылок. Значит, стреляли с близкого расстояния.

Очень близкого.

– По виду контактная рана, – сказал я. – Ружейный выстрел с одного или двух сантиметров производит эффект татуировки, и это наблюдалось в нашем случае. – Заметно почернение на остатках зубов и кости, мягкие ткани все еще сохраняют следы ожога. Ствол во время выстрела либо находился во рту, либо был к нему прижат. Удивительно, что пыж тоже не вылетел из черепа.

Ланди согласно кивнул.

– Наложил на себя руки?

– Не исключено.

Контактные раны – характерная примета смертей самоубийц, особенно если оружием служит охотничий дробовик. Длина ствола, как правило, не позволяет отодвинуть от себя дуло, и неизбежно приходится прижимать его к себе. Это, разумеется, не исключает возможности, что его застрелил кто-нибудь другой.

Ланди уловил мой тон, и по его глазам я понял, что он улыбается, хотя его губы скрывала маска.

– Не волнуйтесь, я не делаю поспешных выводов, но очень может быть, что этот человек именно тот, кем мы его считали.

Я с ним не спорил. Пропал склонный к самоубийству человек, и вместе с ним исчезло ружье. В теле рана, произведенная выстрелом с близкого расстояния. Многие говорили о том, что это Лео Уиллерс.

Я промолчал.

Ланди дал знак полицейским.

– Грузите в лодку.

За те несколько минут, пока мы говорили, вода значительно поднялась и залила нижний край пластикового листа. Пока Ланди докладывал, я взялся за один угол, а морские полицейские за три остальные. Больше в данный момент я ничем не мог помочь расследованию.

После того, как все было погружено на лодку, я занял прежнее место, и мотор ожил. Еще недавно вершины песчаных банок были выше наших голов, но вода прибывала, и теперь мы с ними почти сравнялись. Когда лодка рванула с места, я оглянулся на то место, где мы только что были. Волны перехлестывали через отмель, где лежало тело, и, разглаживая песок, стирали всякие следы того, что там только что находилось.

Лодка прибавляла скорость, и Ланди, тронув меня за руку, указал на каменистый мыс, выдающийся в русло со стороны моря от песчаных банок.

– Видите? Это Уиллетс-Пойнт, где жил Лео Уиллерс.

В отличие от других попадавшихся мне на глаза здешних пейзажей, это место обильно поросло деревьями, которые почти скрывали одиноко стоящую на клочке обнаженной земли

викторианскую виллу. Ее большие окна-эркеры выходили на море над маленькой пристанью, и единственно, что загораживало из них вид, были охраняющие вход в устье башни форта.

– Раньше была летней семейной резиденцией, затем стояла законсервированной, пока несколько лет назад Уиллерс не решил вернуться. – Ланди повысил голос, стараясь перекрыть мотор. – Отец жил то в Лондоне, то в их главном доме под Кембриджем, так что этот целиком принадлежал Лео. Ничего не скажешь, недурной холостяцкий кров.

Недурной, но богатство семьи не принесло Лео счастья в конце жизни. Я снова задумался о состоянии его тела.

– До этого вы говорили, что точно не уверены, когда он пропал? – крикнул я. – Как это так?

Ланди, чтобы не надрывать горло, наклонился ко мне.

– О пропаже Лео сообщили только месяц назад, но его реальное общение с людьми состоялось за две недели до этого. Он вызвал на дом ветеринара, чтобы усыпить свою старую собаку. Ветеринар сообщила, что он был этим сильно расстроен. С тех пор его никто не видел и с ним никто не разговаривал. Никаких телефонных звонков или электронной почты, никаких соцсетей. Ничего. Поэтому, что бы с ним ни случилось, произошло в этот двухнедельный промежуток. Больше его сузить невозможно, но, выплачивая ветеринару гонорар, Лео в последний раз воспользовался своей кредитной картой. Так что событие произошло скорее шесть, чем четыре недели назад, но поняли это гораздо позднее.

– И в течение двух недель его никто не хватился? – Ситуация объяснимая, если бы на месте Лео был пенсионер без родных и друзей, но для него совсем не характерная. – Что говорит его отец?

– Они не были, что называется, близки. В их отношениях существовали трения, поэтому нет ничего удивительного в том, что они могли неделями не разговаривать. О пропаже Лео заявила домработница. Штат прислуги у него был небольшой: она и садовник, приходившие раз в неделю. У нее был свой ключ, и она не удивлялась, если, приходя, не заставала дома хозяина, поэтому поначалу не забеспокоилась. Но однажды застала на вилле полный кавардак: повсюду бутылки, грязные тарелки, недоеденные продукты. Лео устраивал кутежи и раньше, поэтому она убралась и ушла. Домработница заметила, что открыт оружейный сейф, и это показалось ей странным. Свой «Мобри» Лео редко вынимал – как ни странно, охотиться он не любил. Она забеспокоилась, когда пришла на следующей неделе и нашла дом в том же состоянии, в каком оставила, – поняла, что что-то неладно. Почтовый ящик полон, машина и маленькая моторная лодка на месте. Вот тогда она осмотрела все внимательно, нашла записку и позвонила нам.

– Сначала в полицию, а не его отцу?

– Полагаю, сэр Стивен не тот человек, который принимает телефонные звонки от прислуги. Кроме того, она, наверное, посчитала: пусть лучше узнает все от нас. Побоялась стать тем самым гонцом с дурными вестями, которых отстреливают. – Сообразив, что сказал, Ланди смутился: – Простите, неудачно выразился.

– Что с ружьем? – спросил я. – Его в доме не оказалось? Даже если оно упало в воду, его должны были обнаружить во время отлива.

– Нет. Отчего мы сначала решили, что в деле замешан кто-то еще. Но, принимая во внимание записку и все остальное, версия с самоубийством стала представляться более вероятной, и в качестве рабочей гипотезы мы приняли, что он застрелился где-нибудь еще. Например, на песчаных банках. Это объясняло бы, почему так долго не обнаруживали тела и пропажу «Мобри».

Инспектор откинулся назад, предоставляя мне возможность поразмыслить над его словами. Итак, Лео Уиллерс пропал от четырех до шести недель назад, но скорее шесть, чем четыре. Я взвесил увиденную степень разложения и влияющие на него факторы в русле: тем-

пературу воды и падальщиков – как плавающих, так и летающих. Воздействие соленой воды и отливов, дважды в день оставляющих тело на милость атмосферы и ветров.

Мои размышления прервало выглянувшее в просвет прозрачных облаков солнце. Оно позолотило точками света зыбь на воде. Отразив луч, что-то блеснуло на берегу – бутылка или осколок стекла. Но солнце снова заволокло облаками, и блеск пропал.

Глава 4

У устричного ангара нас ждал целый комитет по приему. Когда мы приблизились к берегу, я заметил, кроме провожавших нас полицейских, новых людей. На одном был предназначенный для работы в тяжелых условиях голубой комбинезон, и я понял, что он патологоанатом, о котором ранее упоминал Ланди. Рядом стояла высокая женщина в светлом плаще, должно быть, старший следователь Кларк.

Кто два других мужчины, я понятия не имел. Они держались в стороне в конце набережной. Вскоре я различил на них фуражки и догадался, что они высокие полицейские чины.

– Господи... – пробормотал Ланди, глядя на них.

– Что такое?

Большую часть пути от песчаных банок инспектор провел на носу, не обращая внимания на душ брызг, которыми его окатывало всякий раз, когда суденышко натыкалось на волну. Казалось, ни тряска, ни болтанка не доставляли ему неудобств. Наоборот, наслаждался встречным ветром, как собака, высовывающая из окна автомобиля голову.

А вот теперь сник, словно жалел, что слишком быстро закончилось короткое плавание. Снял очки и принялся вытирать с них пену.

– Это Драйден, заместитель начальника территориального управления полиции. С ним сэр Стивен Уиллерс.

Я повернулся к набережной и сам испытал тревогу. Не слышал, чтобы такой высокий чин пожаловал на рядовое расследование. Не говоря уже об отце жертвы. Неправильная затея: ненужный стресс как для родителя покойного, так и для вынужденных работать под надзором полицейских.

Стояла тишина, только сержант, направляя лодку к устричным ангарам, отдавал короткие команды. Мотор сбавил обороты до тихого ворчания, и суденышко осело в воду. Волны плескали в трубчатую конструкцию, и мы по инерции плыли последние несколько ярдов к пирсу. Вода поднялась настолько, что мы могли подойти прямо к нему и не пользоваться эллингом. Лодка ткнулась рядом с пролетом каменной лестницы, ступени которой уходили на глубину. Кларк и остальные молча наблюдали, как один из морских полицейских выпрыгнул на берег и закрепил на металлической стойке конец.

– Следующий вы, доктор Хантер, – предложил Ланди. – Носилки выгрузим в последнюю очередь.

Сознавая, что на меня смотрят важные люди, я ухватился за ступени и, неуклюжий в болотных сапогах и дождевике, выбрался из неустойчивой скорлупки. Ступени были скользкими, влажный бетон в пятнах зеленых водорослей. Наверху, понимая, какой я перепачканный, я остановился, чтобы вытереть руки. Ко мне приблизилась женщина в светлом плаще и мужчина в рабочем комбинезоне:

– Доктор Хантер? Я старший следователь Пэм Кларк. А это профессор Фриарс, патологоанатом министерства внутренних дел.

Кларк была высокой и худощавой, с вьющимися рыжеватыми волосами, которые, несмотря на попытки их усмирить, связав на затылке, ореолом обрамляли ее бледное лицо. Возраст Фриарса я бы не взялся определить. Волнистая шевелюра седая, но лицо гладкое, без морщин. Можно дать за сорок или за шестьдесят, признав, что он хорошо сохранился. Вместе с пышущими щеками этот человек своей внешностью напоминал расшалившегося херувима.

– Не пожимаю рук, – энергично проговорил он, поднимая ладони, чтобы я увидел перчатки. Затем задумчиво посмотрел на меня. – Хантер... Хантер... знакомая фамилия. Мы раньше не встречались?

– Не думаю.

– Значит, обознался.

Он перенес внимание на то, что происходило на лодке, а я взглянул на стоящих в конце набережной двух мужчин в темных пальто. О чем они говорили, я слышать не мог, но мне казалось очень неловко что-то обсуждать с отцом предполагаемой жертвы. Сэру Стивену Уиллерсу было за шестьдесят. На нем было угольно-черное, как я решил, кашемировое, пальто поверх светло-серого костюма. Редущие волосы поседели, и, наблюдая за манипуляциями с носилками, он выглядел каким-то бесцветным. В его внешности не было ничего внушительного, но он излучал гораздо больше властности, чем стоящий рядом с ним высокопоставленный полицейский. Заместитель начальника полиции Драйден отличался впалыми щеками и фигурой регбиста, под блестящим козырьком фуражки светились глубоко посаженные глаза. Он был выше сэра Стивена, но именно тот привлекал к себе внимание.

Уиллерс смотрел на лежащий на носилках мешок с трупом, но его лицо ничего не выражало. Вероятно, почувствовав мой взгляд, он внезапно посмотрел на меня в упор. Без всякого интереса, любопытства или узнавания. А через секунду опять следил за тем, что происходило с носилками, оставив во мне чувство, что меня, оценив, моментально забыли.

Из лодки выбрался Ланди и, тяжело отдуваясь, поднимался по ступеням. За ним понесли носилки.

– Осторожнее, – потребовала Кларк, когда они оказались на пирсе. – Опускайте.

Моряки, кряхтя, поставили носилки, и с них на бетон потекла вода. Фриарс подошел и встал рядом.

– Ну-с, что мы здесь имеем? – он сделал знак сержанту. – Осмотрим по-быстрому?

Хотя Кларк не глядела на сэра Стивена, было ясно, о чем она подумала: «Не лучше ли заняться этим в морге?»

Патологоанатом едва заметно улыбнулся.

– Я сам не люблю работать на глазах публики, но коль скоро я здесь, нужно приниматься за дело.

Его тон был любезным, но достаточно решительным, чтобы пресечь любые возражения. Кларк коротко кивнула сержанту морских полицейских.

– Откройте.

По пирсу поплыл гнилостный запах разложения. На черном пластике труп выглядел еще неприятнее – бледной растаявшей восковой куклой.

– Идентификация по зубной карте будет проблемой, – прокомментировал Фриарс, увидев, в каком состоянии рот и нижняя челюсть. – Комплекция наводит на мысль, что перед нами пробывший некоторое время в воде мужчина. Приоткройте еще немного мешок. Да, да, мужчина.

Сержант наклонился исполнить указание и вдруг замер.

– Постойте, внутри что-то есть. Боже!

Он отпрянул, испугавшись неожиданного движения в обнаженном отверстии пищевода. В остатках полости рта серебристым языком развернулось кольцо, и в мешок соскользнул угорь.

– Да у нас безбилетный пассажир, – сухо бросил Фриарс, но я заметил, что он тоже неприятно поражен.

– Прошу прощения, – пробормотал сержант.

Кларк покраснела и сделала нетерпеливый жест.

– Не стойте столбом, выкиньте его.

Угорь, должно быть, спрятался глубже в пищеводе, когда мы переносили тело. С гримасой, демонстрирующей, что он думает о задании, сержант запустил руку рядом с трупом в мешок. Рыба, сопротивляясь, извивалась и закрутилась на его запястье в перчатке. Полицейский распрямился, неуверенно отставив от себя руку.

– Что мне с ним делать, сэр?

– В копченном виде они восхитительны на вкус, но предлагаю просто выбросить в море, – посоветовал патологоанатом. – Он вам ни на что не понадобится, доктор Хантер?

Рыба была мне без надобности. Труп был найден не на суше, где можно получить информацию от поселившихся в останках существ. Угорь, скорее всего, обосновался в теле, потому что оно стало для него удобным источником питания: он ел либо разлагающиеся ткани, либо более мелких, привлеченных останками падальщиков.

Сержант с отвращением швырнул его в море, и угорь шлепнулся в воду. Пока Фриарс формулировал результаты обследования, я старался не смотреть на сэра Стивена. Он пришел сюда явно по собственной воле, и присутствие высокопоставленного полицейского чина свидетельствовало о его влиянии. Но то, что здесь происходило, не предназначалось для глаз близких родственников.

– Входные и выходные отверстия раны вполне красноречивы, – продолжал Фриарс. – Судя по характеру повреждений, их нанесли либо пуля крупного калибра, либо ружейный заряд.

– Думаю, ружье, – согласился я. – В глубине глотки застрял предмет, похожий на пыж из ружейного патрона.

– Вот он, – кивнул патологоанатом, заглянув в рану. – А под ним нечто металлическое... как будто дробица.

Раньше она была не видна. Видимо, выбиравшись из пищевода, угорь задел пыж, и тот сместился.

– Можно взглянуть?

– Прошу.

Фриарс отстранился, чтобы я мог заглянуть в то, что некогда было человеческим ртом. За коричневым пыжом в хряще и кости блестело нечто круглое, гладкое.

– Великовата для ружейной дроби, – засомневался я. – И материал больше похож на сталь, а не на свинец.

– В наше время многие пользуются стальными зарядами. – Патологоанатому явно не понравилось, что ему возражают. – Возможно, это картечь крупного калибра. Станет яснее, когда извлеку ее из тела.

– А вам не кажется, что выпущенная с близкого расстояния дробица прошла бы навывлет?

– Да, но стальная дробь намного тверже свинцовой. Такие склонны к рикошету. Вот и эта могла отскочить от стенки гортани и остаться внутри. На данном этапе точнее утверждать не могу. – Он говорил подчеркнуто терпеливо. – Давайте перейдем к вашей области, доктор Хантер. Как вы полагаете, сколько он пробыл в воде? Шесть недель, учитывая состояние тела, похоже, правдоподобное предположение.

К вашей области было сказано с особенной многозначительностью. Я понял намек и, распрямившись, взглянул на труп.

– Трудно сказать. – Я не решил, нужно ли высказываться определеннее на данной стадии. – Он дважды в сутки во время отлива оказывался на воздухе и разлагался быстрее, чем если бы постоянно находился под водой. Кисти и ступни волочились по дну, что способствовало их отделению.

Фриарс изогнул бровь.

– Справедливо, но мы наблюдаем трупный жировоск, который не возникает за сутки.

– Нет, но его появление ускоряет одежда, особенно пальто. – На этот счет существует не так много исследований, но принято считать, что рассыпчатые отложения, возникающие в результате разложения подкожно-жировой клетчатки, формируются быстрее, если тело накрыто. А естественные волокна, как у материала данного пальто, производят эффект силь-

нее, чем синтетические ткани. – Я только не уверен, что шесть недель реалистичны. В таком мелководном месте, где меняются приливы и отливы.

– О чем вы рассуждаете? – перебила нас Кларк.

– Я думаю, у доктора Хантера имеются сомнения по поводу того, какой срок тело провело в воде, – объяснил Фриарс.

Его слова были встречены молчанием. Мои сомнения усилились после того, как Ланди сообщил мне о двухнедельном промежутке между моментом, когда Уиллерса видели в последний раз, и тем, когда заявили о его пропаже. Если только Лео сознательно не избегал общения со знакомыми, то, что с ним произошло, скорее всего случилось вскоре после того, как ветеринар усыпила его собаку. Как сказал Ланди, это относит время его смерти скорее на шесть, чем на четыре недели назад.

Проблема в том, что я не считал, что останки могли находиться так долго в воде. Если бы тело проплавало в здешнем мелководье лишние две недели, оно пришло бы в еще худшее состояние, чем сейчас. Это означает, что Лео Уиллерс либо полностью самоизолировался перед тем, как застрелиться, что маловероятно...

Либо это не его тело.

– Мне нужны факты, а не сомнения, – отрезала Кларк, не повышая голоса. – Как скоро нам удастся подтвердить установление личности?

– Зубную карту и отпечатки пальцев можно сразу сбросить со счета, – заявил Фриарс. – Сделаю все, что смогу, но, по-видимому, придется ждать результатов экспертизы ДНК. Хотя...

Он осекся, услышав шаги на пирсе. Я обернулся и увидел подходящего сэра Стивена Уиллерса. Вместе с ним шел заместитель начальника полиции Драйден, но держался позади, и по его виду было ясно, что он предпочел бы находиться в каком-нибудь другом месте, а не здесь. Кларк шагнула навстречу, загораживая путь к стоящим на бетонной набережной носилкам.

– Сэр Стивен, думаю, вам не стоит...

– Я хочу видеть сына. – Голос был сухим и без ярких интонаций, но определенно властным.

– Прошу прощения, но мы еще не уверены...

Но он уже ее обошел. Кларк умоляюще посмотрела на Драйдена, но безвольное выражение лица полицейского ясно говорило, что он не собирается вмешиваться. Старший следователь покраснела: рыжеватые волосы и светлая кожа покорились чувству. Поджав губы, она молчала, пока сэр Стивен стоял у открытого мешка. Несколько мгновений молчание нарушали только крики чаек. Уиллерс смотрел на то, что лежало у его ног, и ветер шевелил его седые волосы.

– Я узнаю пальто. – Голос лишен эмоций, как и вид говорившего человека. – Старое, из ателье «Кольерз» на Джермин-стрит. У моего сына там был открыт счет. – Кларк и Ландерс переглянулись, а Фриарс снова занялся телом.

– Здесь есть бирка. – Он аккуратно приподнял пальто, чтобы лучше рассмотреть. – Пошив ателье «Кольерз».

– Часы тоже его. Внутри найдете надпись. Их перед смертью подарила ему мать, – сказал сэр Стивен и холодно посмотрел на Кларк. – Я все время твердил, что мой сын мертв. Надеюсь, сейчас вы мне поверите.

– Сэр Стивен, я...

– Он явно жертва неосторожного обращения с ружьем. Не вижу смысла в затягивании и без того болезненного процесса.

– Уверен, старший следователь Кларк предпримет все возможное, чтобы официальное опознание тела стало первейшим приоритетом. – Крутой баритон Драйдена больше не отличался изысканностью обхождения, как и его слова. – Я прав?

– Разумеется, – ответила Кларк без особенной охоты. – Доктор Хантер, вы не оставите нас на минуту?

Я кивнул, испытав облегчение. С телом до того, как его доставят в морг, больше заниматься нечем, и мне совершенно не светило участвовать в каком-либо споре с отцом умершего. Нежелание сэра Стивена согласиться, что его сын покончил с собой, понятно, но его позиция не способна изменить факты. Можно объяснять какими угодно случайными обстоятельствами выстрел с близкого расстояния в лицо, но среди них редко бывают подлинные «несчастные случаи».

Существовала еще одна причина, почему я был рад уйти: я ошибся. Признание сэром Стивеном пальто и часов сына во многом закрывало вопрос опознания. Как и мои сомнения, сколько времени останки находились в воде. Может, я переусердствовал, цепляясь за осложнения, которых на самом деле нет, устало думал я. И теперь понял, зачем меня пригласили плыть за телом. Морскому отделению полиции не требовался судебный антрополог, и мое присутствие стало больше перестраховкой, чтобы влиятельный отец жертвы не обвинил власти в недосмотре.

Мною прикрывали задницы.

Мои резиновые болотные сапоги со скрипом терлись друг о друга, когда я шагал по набережной к устричным ангарам, за которыми оставил машину. Там прибавилось других автомобилей. Один из них – мускулистый черный «Даймлер» с притемненными стеклами. Подумав, что полицейский бюджет и зарплата патологоанатома не простираются до таких высот, я заключил, что он принадлежит сэру Стивену. Привалившись к капоту и скрестив в лодыжках ноги, стоял мужчина, скорее всего, водитель. На нем был стильный, но функциональный костюм, близкий по цвету темно-серому галстуку, который я бы не принял за рабочую одежду. При моем появлении из-за угла он дернулся, но тут же успокоился и, заметив мои комбинезон и грязные сапоги, затянулся сигаретой, которую только что собирался выбросить. Сэру Стивену явно не нравилось, когда его работники курили на службе.

– Так это он или она?

Я удивленно посмотрел на него.

– Прошу прощения, не понял.

Он глядел на меня, и его голову окутывал дым. Лицо незапоминающееся, если бы не следы оспин – свидетельство перенесенного угревого заболевания. Неброское, как все остальное. Рост средний, комплекция обычная, аккуратно подстриженные каштановые волосы. Изда- лека я бы дал ему лет сорок, но теперь заметил признаки старения: проплешину на макушке и морщинки вокруг губ и глаз. Скорее, ближе к пятидесяти.

Он стряхнул пепел с сигареты.

– Я про тело, которое вы только что достали. Это он или женщина?

Под местоимением «он» шофер подразумевал сына своего работодателя. Он был не слепым и догадался, чем мы занимались в устье. А далее не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы заключить, что тело могло принадлежать либо Лео Уиллерсу, либо Эмме Дерби.

Но я не собирался становиться источником слухов.

– Простите, ничем не могу быть полезен.

Его губы дрогнули в улыбке.

– Это я так, для разговора.

Потеряв ко мне интерес и не сводя глаз с угла устричного ангара, он снова затянулся. А я, возвращаясь к машине, вспоминал происшествие на пирсе. Но сколько бы ни проигрывал сцену и ни продолжал рассуждать по поводу времени смерти Лео Уиллерса, легче не становилось.

Открыв багажник, я присел на край, стянул сапоги, затем выбрался из тяжелого комбинезона и обнаружил, что под ним вспотел больше, чем полагалось. Операция по извлече-

нию тела подошла к концу, и я почувствовал себя больным и, больше чем всегда, не в своей тарелке. Надеюсь, что нездоровье хотя бы на некоторое время отступит, я обтерся полотенцем и выпил воды из положенной в холодильник бутылки. Там же находился сыр «Бри», который я купил, чтобы отвезти Джейсону и Анже, и от его вида у меня окончательно упало настроение: я вспомнил, что мне предстоит долгая поездка в Котсуолдс.

Сосредоточься на работе и перестань себя жалеть. Ежась в прохладном воздухе, я завинтил на бутылке крышку. А когда надевал куртку, из-за ангаров показались Драйден и сэр Стивенс. Что бы ни хотела обсудить Кларк без меня, разговор уже закончился. Обменявшись коротким рукопожатием, мужчины разошлись по своим машинам. Водитель «Даймлера» вытянулся в струнку – никаких сигарет на виду – и заученным ловким жестом открыл заднюю дверцу. Сэр Стивен сел в салон, не взглянув в мою сторону, и большой автомобиль, глухо урча, зашуршал по разбитому асфальту к воротам.

С пирса вернулись другие полицейские. Кларк напрямик направилась к «Фольксвагену», вслед за ней шел Фриарс. Патологоанатом успел переодеться и в хорошо пошитом костюме в тонкую полоску и желтовато-коричневых ботинках выглядел откормленным и лошеним. Комбинезон скрывал его неожиданную полноту, но надо сказать, она его нисколько не смущала и он вел себя напористо и уверенно. И поворачивая к сияющему, как он сам, «БМВ», махнул мне рукой.

– Увидимся на вскрытии.

Я поднял в ответ руку, но в отличие от него ощущал себя грязным и взъерошенным. Два морских полицейских вынесли носилки. Ланди шел с ними, но когда они повернули к черному фургону без окон, отделился и повернул ко мне.

– Прошу меня простить, но я не предполагал, что явится сэр Стивен.

– Все в порядке?

Инспектор улыбнулся.

– Я бы назвал это откровенным обменом мнениями. В том смысле, что он высказал свое, а мы выслушали. При том, что рядом стоял заместитель начальника полиции, с выбором у нас было не густо.

– Он участвует в расследовании? – Чины такого уровня, как правило, не посещают рядовые мероприятия, тем более такие, как выезд за телом.

– Официально нет. Но я уже говорил, что сэр Стивен влиятельный человек, и никому не хочется гладить его против шерсти. Присутствие заместителя начальника полиции демонстрирует, насколько серьезно мы относимся к этому делу, и одновременно строит нас и не дает расслабиться.

Это прекрасно получилось.

– Что сэр Стивен говорил по поводу версии самоубийства сына? Неужели все еще в это верит?

Ланди, поморщившись, рассеянно погладил живот. Вспомнив, как он принимал антациды, я заключил, что у него проблема с желудком.

– Судите сами. С самой пропажи Лео адвокаты Уиллера навалились, как тонна кирпичей, отстаивая позицию, что произошло самоубийство, но это для следствия. Давайте сначала разберемся со вскрытием. Знаете, как добраться в морг на инструктаж?

Я ответил, что знаю. Перед вскрытием полицейские встречаются с патологоанатомом, работниками морга и судебными экспертами вроде меня, чтобы разъяснить обстоятельства дела. Морг находился в Челмсфорде, в добром часе езды, хотя как только петляющая вокруг русла дорога останется позади, дальше все пойдет просто.

Когда Ланди уехал, я немного задержался переждать спазмы в горле. Не отпускало ощущение, что я подхватил какую-то заразу, разболелась голова. Стараясь не обращать внимания, я положил сапоги и комбинезон в пакеты и запихнул вглубь багажника.

Закрыв крышку, помедлил, глядя на русло. Благодаря приливу картина стала совершенно иной. Исчезли грязные отмели, на их месте появилось сплошное пространство волнующегося моря. Песчаные банки нырнули на глубину, лишь самые верхушки возвышались над поверхностью, образуя вокруг себя спокойные участки маслянистой воды. Дальше, у выхода из устья стояли на ногах-ходулях три башни брошенного форта.

Сзади хрустнул под колесами асфальт, и я обернулся на фургон похоронной компании, везущий на вскрытие труп. За ним скакал по ухабам полицейский «Лендровер» с лодкой на прицепе. Машины скрылись из вида, и снова воцарился покой. Я немного помедлил, наслаждаясь прибрежным, пропитанным запахом грязи и соли воздухом. Вид был не слишком живописным, но в здешнем пейзаже чувствовался покой. Я бы полюбовался им еще, но обнаружил, что остался один, – кроме моей машины, все остальные с парковки разъехались.

Чувствуя непривычную слабость, я сел за руль и выехал в открытые ворота. Остановившись за ними, закрыл, но не нашел способа запереть. Хотя, вероятно, в этом не было необходимости. В ангарах не разбили ни одного окна и не нарисовали на стенах граффити, как случилось бы поблизости от поселка или города. И я сильно сомневался, что внутри хранится что-то привлекательное для воров. Надо быть сильно скучающим или целеустремленным вандалом, чтобы одолеть путь до этого места.

Я возвращался по тому пути, по которому приехал: через то же жалкое поселение, которое при дневном свете выглядело еще более мрачным. Но за ним свернул на другую дорогу и оказался на границе местности, которую Ланди называл Бэкуотерс. Путь был не совершенно однополосным, но приближался к этому понятию. Он извивался, петлял и, поворачивая обратно, обходил полузатопленные места. По сторонам его окаймляли кусты боярышника, скрывая все, что подстерегало автомобилиста за поворотами. Я продвигался вперед, время от времени сверяясь с указаниями инспектора, чтобы не сомневаться, что не сбился с дороги. Хотя, похоже, выбора у меня не было – она, скорее всего, была здесь единственной.

Но когда одно безликое поле или болото переходило в другое, меня одолевали сомнения, туда ли я еду. Не повернул ли там, где не следовало. Я потянулся к выключателю навигатора: пусть ему не под силу указать точное направление, он хотя бы даст мне представление, где я нахожусь.

Я барабанил пальцами по рулю, дожидаясь, когда вращающийся диск сменится картой.

– Ну, давай же... – Захотелось пощелкать ногтем по экрану. Взгляд от дороги я оторвал всего на долю секунды.

А когда посмотрел опять, прямо передо мной был мужчина.

Глава 5

Он шел спиной ко мне посреди полосы. Я ударил по тормозам и изо всей силы рванул в сторону руля. Послышался зубодробительный скрежет – бок машины задел придорожные кусты, и она поскакала по правой обочине. Человек мелькнул в моем окне, а затем раздался глухой стук. Засосало пол ложечкой. Я боролся с машиной, по которой хлестали ветки, но наконец она застыла на гравии.

Грудь рванул ремень безопасности, отбросил назад на сиденье, и моя голова дернулась. «Господи!» – беспомощно твердил я про себя. Сердце бухало, когда я оборачивался посмотреть, что осталось за машиной.

Мужчина все так же стоял посреди дороги.

Я ожидал увидеть либо лежащее, либо отброшенное в кусты окровавленное тело. То, что он стоял и был, судя по всему, невредим, показалось неожиданным помилованием. Сам не свой, я открыл дверцу и выбрался из машины.

– Вы в порядке?

Он безучастно посмотрел на меня, моргнув глазами навывкате. Лицо продолговатое, костистое, сам смертельно худой. На нем был старый, грязный коричневый плащ и резиновые сапоги. Седеющие волосы спутаны, на мертвенно-бледном подбородке ключьями пробивалась жалкая борода. Незнакомец что-то прижимал к груди обеими руками, и лишь когда он вскинул голову, я разглядел, что это чайка.

– Вы в порядке? – повторил я вопрос и сделал к нему шаг. Он отпрянул, в глазах смятение, испуг. Несмотря на высокий рост, в нем было что-то уязвимое. Я застыл и поднял обе ладони. – Не бойтесь. Я только хотел убедиться, что вы не пострадали.

Его губы шевелились, словно он что-то хотел сказать. Затем взгляд скользнул в сторону. Все так же прижимая к себе чайку, он пошел по дороге.

– Пойдите, – начал я, но он не обратил внимания. Резиновые сапоги болтались на его длинных, как у аиста, ногах, когда он прошлепал мимо меня подошвами так, словно меня вообще не существовало. Зато моей особой заинтересовалась чайка в его руках и, поворачивая голову, следила за мной злым глазом.

Ладно... Я смотрел ему вслед, не в силах справиться с потрясением от того, что чуть его не задавил. Если бы въезжал в поворот чуть быстрее, точно бы его сбил. Идиотское место для прогулок, но растерзанный вид незнакомца и его манеры намекали на проблемы с головой. Не зная, как поступить, я смотрел ему в спину. Просто взять и уехать вроде нехорошо, но что можно сделать еще? Человек не ранен, и хотя он бродит по дороге, рискуя собой и создавая опасность для проезжающих, я не видел способа его физически остановить. К тому же ноги-ходули быстро поглощали пространство, и он уже скрылся за поворотом.

Бросив последний взгляд на пустую дорогу, я вернулся к машине. Серьезных повреждений она не получила, но, когда я выезжал из кустов, ветки скребли по кузову, и я, стиснув зубы и слушая неприятный звук, старался не думать о стоимости покрасочных работ.

Бросив взгляд на часы на панели, я убедился, что времени успеть на инструктаж хватит, но новых задержек позволять себе нельзя. Голова разболелась – встряска от резкой остановки не помогла. Открыв окно, я впустил в салон свежий воздух и держал невысокую скорость на случай, если бродяге придет в голову остановиться за очередным закрытым поворотом. Но ни за следующим, ни за вторым его не оказалось. Я начал было отходить, но увидел его за новым изгибом дороги.

Он шел по самой середине прямо передо мной.

Черт бы тебя побрал! Я тащился за ним, но он не оборачивался и не собирался меня пропускать – продолжал идти прежним темпом, прижимая чайку к груди. Рука потянулась к кнопке сигнала, но я не нажал. Человек был явно не в себе, и я не хотел его пугать.

Продолжая красться за ним, я опустил стекло до конца и громко предложил:

– Вас подвезти?

Я решил, что он живет где-нибудь поблизости и у меня хватит времени подбросить его и ехать дальше по своим делам. Таким образом, уберу его с дороги и успокою совесть. *Принципиальная позиция*, – подтрунивал надо мной внутренний голос. Я успокоил его, заметив, что с работниками социальной службы успею связаться позднее, а теперь мне надо спешить по делам.

Но идущий перед капотом человек не ответил. Подумав, уж не глухой ли он, я крикнул опять. Легкое подергивание головой дало мне знать, что он меня услышал.

Но не обратил никакого внимания.

Моя досада помимо моей воли росла. Я решил испробовать другую тактику:

– Вы меня не пропустите?

Снова никакой реакции. Я оценил промежуток между ним и кустарником – не сумею ли я в него протиснуться? Но оставил эту мысль – дорога была слишком узкой. Пытаться объехать вот так пешехода не доведет до добра.

Моя машина тащилась на первой передаче за долговязой фигурой в грязном плаще. Человек все так же вышагивал по дороге, по-прежнему прижимая к себе чайку. Я подумал было выйти и попросить отойти, но понимал, что могу нарваться на неприятности. Я хотя не психиатр, а врач общей практики, но этот случай очевидный: у бродяги не все дома. Неизвестно, как он отреагирует, если решит, что ему угрожают. Я уже видел признаки беспокойства: он ускорил шаг и, подергивая вбок головой, оглядывался через плечо. Помимо всего прочего, он испугался и чувствовал себя беззащитным.

Вздыхнув, я откинулся на спинку сиденья и почти остановился, чтобы он мог уйти вперед. *Но что дальше?* Я пожевал губу и, чувствуя, что слабею и покрываюсь испариной, досадовал, что теряю время. Он мог идти еще многие мили, и будет ли это достаточным извинением, если я опоздаю на инструктаж?

Или вообще не попаду. Навигатор наконец сориентировался и, врубившись, определил мое местоположение. Ланди предупреждал, чтобы я не полагался на него в этой местности, но я не искал альтернативной дороги – мне требовался объезд, чтобы обогнать идущего впереди человека. Впереди было ответвление, которое примерно через милю вновь соединялось с этой дорогой. Оно уводило меня в солончаки Бэкуотерса, но не далеко. Ясно было одно: если ничего не предпринять, я непременно опоздаю.

Дорога впереди была свободна. Я снова сверился с навигатором. Стрелка, обозначающая мое местоположение, приближалась к повороту. Бродяги в поле зрения не было. Я снова задумался, кто же он таков и откуда здесь взялся? Зачем тащит чертову чайку?

Я чуть не пропустил поворот. Он представлял собой всего лишь просвет в кустах боярышника. Однополосный путь уводил вправо под прямым углом. Сворачивая на него, оставалось только надеяться, что навстречу не попадет другой автомобиль. Асфальт разрушился и покрылся проросшей сквозь него травой, кроме двух оставленных проезжавшими здесь машинами параллельных полос. Кусты по сторонам, отрезая от окружающего, не позволяли сориентироваться. Приходилось доверяться карте навигатора, показывавшей впереди Т-образный перекресток с другой дорогой. Там следовало повернуть налево, и тогда я вернусь на дорогу, с которой съехал. Времени еще достаточно, чтобы успеть на инструктаж, убеждал я себя. И в этот момент кустарник кончился, и стало видно, что было впереди.

Дорога упиралась в реку.

Широкая полоса воды отрезала меня от цели – перекрестка, где следовало повернуть налево. Это совсем не река, догадался я, а подпитываемая приливом протока. Она соединялась с устьем и наполнялась во время высокой воды. Вода еще будет прибывать, но уже сейчас затопила грязное дно протоки. Обещанная навигатором дорога представляла собой узкую дамбу – насыпь из гальки. Проехать по ней непросто и в отлив, а теперь некоторые участки уже были под водой, а скоро прилив зальет ее всю.

Я выругался и остановил машину. Развернуться места не хватало, и мне совершенно не светило возвращаться на прежнюю дорогу задним ходом. Я велел себе успокоиться и смотрел, как дамба быстро уходит на дно. Протока в этом месте была не слишком широкой, и на другой стороне виднелся тот самый Т-образный перекресток, к которому я стремился. Мучительно близко от меня. Насыпь ушла еще неглубоко под поверхность. Ехать по ней – все равно, что двигаться по залитой водой дороге. Но так будет продолжаться недолго. Если пересекать протоку, надо решаться немедленно.

Как же поступить: двигаться или стоять на месте? Да что тут решать? Я включил передачу и вывел машину на насыпь.

Под колесами захрустела галька, затем этот звук заглушил шелест взбиваемой шинами воды. Я держал низкую, но ровную скорость и не сводил взгляда с едва видимой впереди колеи. Местами она совершенно исчезала, и тогда я вел автомобиль прямо, надеясь, что дамба не делает поворотов. Костяшки пальцев на руле побелели, а вода разбегалась по сторонам, как волны от носа плывущего корабля. Противоположный берег приближался, и, преодолев половину пути, я вздохнул с облегчением. Подумал, мы почти на месте, и в этот момент передние колеса угодили в подводную яму, и машина клюнула носом.

Яма была неглубокой, но и ее хватило – передок погрузился глубже, и тут же заглох мотор.

– Нет! – Я торопливо включил стартер. – Нет! Нет! Нет!

Двигатель, вселяя в меня надежду, немного поурчал и затих. Я снова повернул ключ и держал его с такой силой, словно это могло помочь.

– Ну, давай же!

Мотор уркнул и заглох. Я пытался запустить его снова и снова, но он не издал ни шепотка. Ошарашенный новой бедой, я сидел во внезапно наступившей тишине. Противоположный берег был от меня не дальше, чем в нескольких корпусах автомобиля. Я глядел на него, а затем распахнул дверцу и выскочил из салона. Вода оказалась обжигающе-холодной и доходила почти до колен. Перехлестнув через порожек, она промочила мне ботинки и брюки. Почувствовав ее напор, я вспомнил слова Ланди: прилив наступает быстрее, чем способен бежать человек.

Но я бежать никуда не собирался. Водительское стекло было по-прежнему опущено. Я поспешно захлопнул оказавшуюся в воде дверцу, просунул руку в окно, чтобы как-то рулить, и налег плечом. Машина дрогнула, но застыла – колесо застряло в подводной яме. Ругнувшись, я уперся ногами в гальку и опять налег. Колесо и в этот раз откатилось в яму, но я ждал этого и, воспользовавшись силой инерции, вложил все силы, чтобы вытолкнуть его на свободу.

Есть! Машина медленно покатила. Вода плескалась у колен, а я продолжал толкать, чтобы она не встала. Прилив скрыл насыпь, и я направлял капот в то место, где дамба выходила на противоположный берег. Поток сбивал с ног, чем сильнее прибывала вода, тем труднее катилась машина, но с каждым пройденным ярдом мы приближались к сухой земле. Я вошел в ритм, но машина вдруг вздрогнула и замерла. Теряя равновесие, я вцепился в дверцу и сразу понял, что произошло: заднее колесо угодило в ту же яму, из которой я вызволил переднее.

Давай выбирайся! Я опять старался раскатать автомобиль.

Но на этот раз удача от меня отвернулась. Я упирался в машину, ноги скользили в грунте, но она не колебалась. Задыхаясь, я прекратил попытки. Мне не сдвинуть ее с места, если

не подкопать дно. Я успел промокнуть по бедра. Сбросил пальто и положил его на крышу и прежде, чем окунуться в ледяную воду и попытаться освободить утонувшее в яме колесо, закатал рукава. Острые камни и галечник царапали ладони и, когда я откидывал их в сторону, впивались в мои онемевшие пальцы.

Бессмысленная трата времени – колесо слишком глубоко засосало. В отчаянии я ударил по кузову, припоминая, нет ли чего-нибудь в багажнике, чем можно копать. Крышка от сумки-холодильника – слабое подобие лопаты, но все-таки лучше, чем выгребать камни голыми руками. Обнимая кузов, чтобы не соскользнуть с насыпи, я, плюхая ногами по воде, подошел к багажнику, хотя понимал бессмысленность своих действий. Вода поднималась слишком быстро. Я сомневался, что при такой глубине сумею сдвинуть машину. Да и самому небезопасно оставаться в этом месте.

Но я не мог смириться с потерей и прекратить борьбу. Вода еще не залила багажник. Я открыл его и, оставив в сторону пакет с сапогами, которые не было времени надеть, потянул к себе сумку-холодильник. И уже готовился снять крышку, когда услышал шум. Негромкий, но такой ни с чем не спутать – звук работающего мотора. Я выглянул из-за багажника: за кустами на дороге вдоль дамбы мелькало что-то серое.

Приближалась машина.

Глава 6

Сквозь боярышник я не мог ее как следует разглядеть, но она ехала быстро. Вода вспенилась вокруг моих колен, когда я бросился к капоту моего автомобиля. Звук дизеля становился громче, и я отчаянно замахал руками.

– Эй! Сюда!

Машина достаточно приблизилась, чтобы я рассмотрел, что это был внедорожник с двумя ведущими мостами. Водитель не сможет меня не заметить – дорога подведет его близко к насыпи, на которой я застрял. Я уже видел лицо внутри салона «Лендровера «Дефендер». Автомобиль сбавил ход.

А затем увеличил скорость и рванул вперед.

– Нет! Что вы делаете?

Не веря своим глазам, я смотрел, как «Лендровер» уезжает от меня. Водитель не мог меня не заметить! Но когда я решил, что остался без помощи, он остановился. Несколько секунд не выключая мотора, стоял, а затем, увеличив обороты, быстро подал задом и свернул на ведущую к дамбе дорогу. Он проскочил поворот, но затем одумался и, свернув к протоке, въехал в воду. В воздухе взметнулись брызги, когда машина, взбаламучивая поверхность, приблизилась и остановилась в нескольких ярдах от меня. Мотор стучал, выхлопные газы поднимались из вертикальной трубы рядом с кабиной. Шнорхель, понял я, когда ветер отнес их в сторону.

Открылась дверца, и из «Лендровера» выскочил мужчина – прямо в воду, не обращая внимания на то, что его джинсы потемнели до колен. Бросился к задней двери, что-то схватил из багажника и вернулся к передку.

– Держи!

Не выпуская из рук конец свернутого в бухту троса, он швырнул его мне, и трос, размотавшись в воздухе, шлепнулся в воду в нескольких футах от меня. Я, не дав ему утонуть, поспешно схватил и, нащупав в холодной воде проушину под бампером, как умел, закрепил конец. К тому времени, когда я распрямился, водитель «Лендровера» уже привязывал трос к своей полузатопленной буксировочной сцепке.

– Смотри не соскользни с насыпи, когда я потяну. Иначе мне тебя не вытащить! – крикнул он.

Из-за ряби на воде узкая полоса гальки совершенно скрылась.

– Я ее не вижу!

– Рули на меня! Перед тем как дернуть, я моргну светом.

Водитель «Лендровера» отвернулся и забрался в машину. Я просунул руку в окно и взялся за руль. Управлять с водительского места было бы удобнее, но, если открыть дверцу, вода хлынет в салон.

Мотор внедорожника внезапно взревел, и дважды моргнули фары. Трос поднялся из воды и, выбирая слабинку и натягиваясь, ронял с себя капли. С секунду ничего не происходило. Затем трос задрожал, и машина, дернувшись, пришла в движение. Я крепко держал руль, пока внедорожник медленно вытаскивал меня на берег.

Машина соскочила с насыпи на дорогу, но «Лендровер» протащил ее дальше на безопасное место. Я открыл дверцу. Коврики на полу превратились в мокрое месиво, но уплотнители свое дело сделали, и сиденья остались сухими. Я оглянулся на затопленную протоку – вода залила ее до краев, так что от насыпи не осталось на поверхности ни следа.

Хлопнула дверца внедорожника, и я повернулся на звук. Мужчине было на вид от сорока пяти до пятидесяти лет. Нечесанные черные волосы подернулись сединой, как и щетина на его подбородке. От носа к уголкам губ пролегли глубокие борозды, а морщины на лбу говорили о том, что он больше хмурится, чем улыбается. На нем были очки в толстой, но стильной оправе

и коричневый кожаный пиджак поверх синего свитера и джинсов. Все поношенное, но пиджак на вид дорогой, а на оправе очков я заметил крошечный логотип дизайнера.

Я протянул ему руку.

– Спасибо. Я уж думал, что пропал...

– Какого черта тебя туда занесло? – Его напор меня ошарашил. Я опустил руку, мое лицо вспыхнуло.

– Согласно навигатору это объезд. Какой-то тип...

– Ты слепой или ненормальный? Видишь вокруг мокротень? К твоему сведению, это вода. Нельзя ездить по насыпи во время прилива!

– Вода еще не поднялась. И если бы я знал, что в насыпи яма, то ни за что бы на нее не сунулся. Но я благодарен вам за помощь.

Я с трудом сдерживался, чтобы не сорваться. С какой стати меня обзывают ненормальным? И хотя я был обязан этому человеку, не собирался терпеть, чтобы на меня орал совершенно незнакомый мне тип. К тому же тот, который прежде чем прийти мне на помощь, еще как следует подумал.

Он сверкнул на меня глазами, и я почти ощутил исходящее от него желание поругаться. Я не мог поверить, что это только потому, что ему пришлось вытаскивать меня из протоки. Но мне нездоровилось, я до нитки промок и безнадежно опаздывал на полицейский инструктаж. Какие бы у него ни были проблемы, они меня не касались. Держа в узде эмоции, я спокойно посмотрел на него.

Он мгновение выдерживал мой взгляд, затем отвернулся и, словно избавляясь от чего-то, громко выдохнул.

– Что вам здесь понадобилось? К нам сюда не часто навещают.

Я колебался. Но к этой минуте не один шофер сэра Стивена уже знал, что тело нашли. А если этот человек из местных, он не мог не заметить кружившего с рассвета полицейского вертолета.

– Я здесь для участия в полицейской операции.

Неожиданно его взгляд стал острее.

– По поводу тела? Вы полицейский?

Вот опять. Моя головная боль никуда не подевалась, но теперь я снова ощутил ее тупую пульсацию.

– Нет, я не полицейский. И я не скажу, чем я занимался, поэтому бесполезно спрашивать.

Получилось резче, чем я хотел, и на сей раз смутился он.

– По крайней мере, честно. Так вы что-то вроде полицейского консультанта? Или это тоже нельзя спрашивать?

Моя специальность вряд ли представляла тайну.

– Я судебный антрополог.

Немудреная информация, но она его как будто устроила.

– Прошу прощения, что сорвался на вас. Я Эндрю Траск.

Он произнес это так, словно имя и фамилия должны были что-то значить. Но для меня ничего не значили. Мне было так муторно, что я, не обратив внимания, просто пожал протянутую руку.

– Дэвид. Дэвид Хантер.

Налетевший порыв ветра дал мне почувствовать, насколько я вымок и промерз. До меня запоздало дошло, что Траску досталось не меньше. Вода струилась из сапог, джинсы до колен потемнели. Он покосился на мою машину, и я почти почувствовал в нем внутреннюю борьбу.

– Эвакуатор вызвать не получится.

– У меня страховка на случай поломки, – ответил я, не поняв, куда он гнет. Работа иногда заносит меня в глухие места, и мне вовсе не светит остаться без помощи.

– Я не о том, – возразил Траск. – О сигнале телефона. Связь здесь только местами. – Он помолчал, и у меня возникло впечатление, что он принимает решение. – Я дотащу вас до своего дома, это недалеко. Оттуда сможете дозвониться.

– Замечательно. Спасибо, – поблагодарил я его, удивленный таким предложением после прежней враждебности.

Но отказываться не собирался. Если я хотел попасть хотя бы на вскрытие – об инструкции тоже можно было забыть, – мне требовалась любая помощь, которую я мог получить.

Траск пожал плечами, и по его виду можно было решить, что у него появилась новая мысль.

– Нельзя же здесь вас бросить. Мой сын разбирается в моторах и сумеет вам помочь.

– Спасибо, но это лишнее. Я и так доставил вам массу забот.

Это было правдой, но еще я не хотел, чтобы доморощенный механик копался в двигателе моей машины и еще больше напортачил, какими бы добрыми ни руководствовался намерениями.

Траск как-то странно посмотрел на меня.

– Вряд ли имеет значение. Так?

В другое время я бы заинтересовался, что он имеет в виду, но теперь слишком устал и был подавлен, чтобы ломать себе голову. Траск покосился на протоку, и мне показалось, что при этом из него ушла часть его энергии.

– Поехали.

Пока он разворачивался, чтобы закрепить трос за заднюю проушину, я попробовал телефон. Надо было позвонить не только в службу технической помощи, но также Ланди и предупредить, что я опоздаю. Я не представлял, какой урон нанесла моему автомобилю соленая вода и сколько времени потребуется на ремонт. Если понадобится, можно оставить его здесь и забрать позднее. Главное теперь – попасть на вскрытие.

Траск был прав насчет нестабильности сигнала мобильной связи. Я покрутился на месте, но телефон упорно отказался оживать. Пока Траск крепил трос, я переживал, что опоздаю, а потом, в последний раз оглянувшись на протоку, залез в машину. Дна больше не было видно; на легкой ряби покачивались морские птицы, и их относил невидимым течением. Никаких признаков насыпи, а судя по следам на берегах, вода еще не поднялась до максимального уровня. Если бы Траск не вытащил меня на берег, машина вскоре целиком ушла бы под воду. Линии мертвых, поломанных морем грязных кустов по сторонам протоки свидетельствовали, каким был недавний разлив. Местность вокруг лежала ниже этого уровня, и ее целиком затопляло.

Буксировка длилась пятнадцать неприятных минут. Насквозь промокшие руки и ноги замерзли, в ботинках при каждом движении хлюпало. По сторонам было больше воды, чем суши: поросшие тростником каналы, озерки в заболоченных солончаках. Название вполне подходило этому месту.

Волочась за «Дефендером», я заметил несколько разбросанных вокруг лодочек, но большинство из них были либо бесхозными, либо не приведенные в порядок после зимы. Домов было немного, в основном старые развалюхи, упорно рассыпающиеся и возвращающиеся к состоянию элементов залитого водой пейзажа.

Но при том Траск был не единственным здешним жителем. Мы миновали в переоборудованное для лодок строение – выдающийся в воду протоки старый каменный дом. Вывеска у небольшой автомобильной стоянки гласила: «Сдается коттедж для отдыха». Далекое место, чтобы кому-нибудь пришло в голову здесь остановиться, но, безусловно, тихое. Протоки и каналы отражали неяркое солнце, и я невольно признал, что Бэкуотерс обладает особым очарованием. В иное время я бы сам здесь пожил.

Но теперь я не мог себе позволить ослаблять внимание. Голова по-прежнему болела, и меня начинало знобить. Надо было сосредоточиться на том, чтобы держаться за «Лендровером», и я обрадовался, когда Траск свернул на засыпанную гравием площадку. За ней находилась рощица из молодых деревьев, и сквозь их еще голые ветки я увидел на берегу протоки современного вида дом.

Мы прибыли на место.

Убедившись, что затянул ручник, я неловко вылез из машины. От холодного ветра сквозь мокрую одежду пробрал озноб. Стараясь не обращать внимания, я огляделся. На площадке стояли еще две машины. Одна – кабриолет «Мини» на возвышении, чтобы не подмыло водой, была накрыта пластиковым брезентом, и по грязи на нем можно было судить, что автомобиль некоторое время не трогали с места. Другая – еще один «Дефендер», белый, старый и тоже с выдающимся вверх шнорхелем. Возившийся под поднятым капотом молодой человек распрямился и посмотрел на нас.

Траск выскочил из «Лендровера».

– Джемми, не сбегашь за полотенцем?

Просьба была воспринята с недовольством.

– А что случилось?

– Неважно. Просто принеси полотенце и все.

По выражению лица молодого человека было ясно, что у него в голове. Лет семнадцати-восемнадцати, симпатичный, он был почти так же высок, как Траск. Сходство выдавало родство, и по его реакции я понял, что характером сын пошел в отца. Вытерев руки тряпкой, он отшвырнул ее прочь и, не говоря ни слова, направился к дому.

Если Траск и смутился, он нисколько не подал виду.

– Здесь сигнал ловится, и вы можете вызвать ремонтную службу.

– Спасибо. Симпатичный дом, – заметил я, глядя на просвечивающее сквозь рощицу строение. Обитые кедром стены выцвели до серебристо-серого цвета и сливались с деревьями. Крутую крышу оторачивали линии солнечных батарей. Дом возвышался над широким участком протоки, и теперь я заметил, что он был приподнят над землей на бетонных сваях. Инженерное решение, чтобы противостоять наводнениям, что говорило о том, какая в этих краях погода.

Траск удивленно посмотрел на дом. По его выражению лица можно было судить, что ни о чем подобном он не задумывался.

– Я построил его для жены.

Я ждал продолжения, но он, по-видимому, решил, что это все, что мне положено знать. Этот человек был явно не из тех, кто любил поболтать.

– Какой здесь адрес? – спросил я и, заметив, что он нахмурился, добавил: – Это для ремонтной службы.

– Дом на протоке. Но почтовый индекс им ничего не скажет. Пусть едут по дороге в Бэкуотерс, а затем вдоль протоки, пока не окажутся здесь. Если свернут на Уиллетс-Пойнт, значит, проскочат дальше.

Это был мыс, где жил Лео Уиллерс. Понимая, что Траск наблюдает за мной, я постарался, чтобы он ничего не прочитал на моем лице.

– Спасибо.

Он окинул взглядом мою сырую одежду.

– Хотите, пока дожидаетесь помощи, выпить чего-нибудь горячего?

– От кофе бы не отказался.

Траск, отворачиваясь, кивнул. Я не мог его судить за то, что он не пригласил в дом незнакомца, с которого льет вода, хотя с удовольствием бы обогрелся и сменил одежду. Я взял с

собой вещи, чтобы переодеться у Джейсона и Анжи, но сперва следовало разобраться с машиной. Будет чудо, если я успею на совещание у патологоанатома.

Ощущая, как тикает время, я позвонил в ремонтную службу. Не ожидал, что мне мгновенно пришлют грузовик. Но действительность оказалась хуже: в выходные люди выезжают за город, и, естественно, случаются всякие неприятности. Ремонтники отдают предпочтение одиноким женщинам, случаям, когда под угрозой здоровье или машина может спровоцировать аварию. Ничто из этого не подходило к моим обстоятельствам. Когда я объяснил, что спешу на вскрытие, торопливый дежурный сочувствия не проявил и заметил:

– Труп не оживет от того, что вы туда приедете.

Мне объявили, что постараются прислать механика в течение нескольких часов, но даже этого не гарантировали. Спорить не было смысла, и я, объяснив, как сумел, как ко мне добраться, разъединился. Господи, надо же так вляпаться! Голову ломило сильнее. Потирая виски, я снова набрал Ланди, хотя не очень рассчитывал на успех и втайне испытал облегчение, когда вызываемый номер переключился на голосовую почту. Не вдаваясь в подробности, я сообщил, что опаздываю, потому что сломалась машина. Оставалось надеяться, что к тому времени, когда он мне перезвонит, у меня будут положительные новости.

Лихорадка усиливалась. Надо было сменить мокрую одежду, и я подошел к багажнику за сумкой с вещами. Хорошо, что вода не проникла внутрь, повезло хоть с этим. Брюки намочили до середины бедер, но я не собирался устраивать перед домом Траска стрипиз. Поменял мокрую рубашку на толстый джемпер и снова надел слегка влажную куртку.

После этого оставалось одно – ждать. Понимая, что хватаюсь за соломинку, снова повернул в замке зажигания ключ. Мотор издал глухой скребущий звук и затих. Во второй раз он был еще глуше. Я немного подождал и попытался опять.

– Только больше напортите.

Я не слышал, как подошел сын Траска.

– Думаю, что уже без разницы.

– Может, и без разницы, только промокший двигатель все равно не заведется. Без толку гонять по цилиндрам воду.

Совет был не грубым, но и вежливым я бы его не назвал. Парень выглядел юной версией Траска: в позе чувствовалась вялая мощь – в выцветшей майке и джинсах он выглядел вполне спортивно. На ногах красовались неопреновые пляжные тапочки, маскировавшие следы его ступней. Он держал скрученное полотенце.

– Кофе на подходе.

– Спасибо. – Я вытер руки. – Ваш отец сказал, что вы разбираетесь в моторах.

– Есть немного. – Он явно без воодушевления посмотрел на мой автомобиль. – Если в двигатель попала соленая вода, нужно все разбирать и промывать. Сменить масло, может быть, и топливо. Серьезная работа.

Потрясающе! Со слов его отца, я подумал, что он может решить мою проблему. Но теперь получалось, что парня мое предложение не интересует, а мне требуется квалифицированный механик.

– Здесь есть поблизости какой-нибудь гараж? – спросил я.

Он покачал головой.

– Такого, чтобы был вам полезен, нет.

– А как насчет того, чтобы взять напрокат автомобиль или вызвать такси?

Если бы в ближайшем городе получилось раздобыть транспорт, я бы попал на вскрытие, а о машине позаботился бы потом.

– Вы видели Кракхейвен? – фыркнул он.

Я бы предложил ему денег, чтобы он меня отвез, но по выражению его лица понял, что это будет пустая трата времени. Парень просто не хотел связываться с проблемами незнакомца,

и я не мог его за это осуждать. Только выругался про себя, когда он пошел к дому. Подумал, может, удастся нанять Траска, чтобы он отвез меня на вскрытие, но быстро оставил эту мысль. Он чуть не оставил меня тонуть в протоке, и все его поведение говорило о том, что стал спасать меня явно нехотя. Представил его реакцию на просьбу сделать еще какие-то усилия ради меня.

Но попытаться что-то сделать необходимо. Сигнал был слишком слаб и не позволял выйти в Интернет, и я набрал местную справочную службу. Сын Траска мог иметь в виду ближайшую округу, но если чуть дальше все-таки существовал гараж, помощь могла прийти быстрее, чем от ремонтников.

Учитывая, как мне в последнее время не везло, я не ждал ничего хорошего и удивился, когда оператор дал мне телефонный номер заведения по ремонту автомобилей и катеров в Кракхейвене – городе, который я проезжал этим днем. Уговаривая себя не строить надежд, я набрал его и услышал грубоватый мужской голос:

– Ремонт катеров и авто Кокера.

– У меня сломалась машина. Вы можете починить? – спросил я.

– Зависит от того, где вы находитесь.

– В Бэкуотерсе. – Я объяснил, что попал в водную ловушку на дамбе.

– Торопыга, – хмыкнули в трубке. – В следующий раз будете думать, прежде чем лезть на рожон. Ладно, вашему горю придется помочь. Подождите, сейчас возьму ручку.

Я безмолвно вознес молитвы небу. Появился пусть ничтожный, но все-таки шанс попасть на вскрытие. Я глядел на часы, прикидывая, сколько у меня осталось времени, когда трубка снова ожила.

– Слушаю. Рассказывайте, где именно вы в Бэкуотерсе?

– Это место называется Крик-Хаус. Недалеко от старого лодочного пакгауза. Рассказать, как проехать?

Секунду он не отвечал.

– Не трудитесь. Я знаю это место. Они ваши приятели?

Голос собеседника напрягся, но я не придавал этому значения.

– Нет, просто приволокли сюда на тросе. Как скоро вы сможете приехать?

– Извините, не смогу вам помочь.

Мгновение я считал, что ослышался.

– Но вы только что сказали, что займетесь моей машиной.

– А теперь говорю, не могу.

– Не понимаю. Есть какие-нибудь проблемы?

– Да. Соль в вашем моторе.

Он разъединился.

Что за черт? Я таращился на свой мобильник, не в состоянии поверить, что он умолк. Враждебность возникла ниоткуда, стоило мне упомянуть Крик-Хаус. Я в сердцах треснул по рулевому колесу и опять выругался. Что бы ни произошло между владельцем гаража и Траском, это стоило мне шанса попасть на вскрытие.

Голову дергало от боли от самого основания шеи. Массируя ее, я закрыл глаза и размышлял, как поступить дальше. Яростный лай собак заставил поднять веки. По дорожке через рощицу шла женщина с девочкой. Вокруг них увивалась, тявкая, коричневая дворняжка. Девочка несла кружку, ненадежно держа ее высоко на весу от подпрыгивающей собачонки.

– Расплескаешь, нехорошая Кэсси! – Но ее тон только подзадоривал четвероногую шалунью. Девочке было лет восемь-девять, и она была той же стати, что ее отец и брат. Хотя она смеялась, но тонкие ручонки и темные круги под глазами говорили, что в доме не все в порядке.

Я решил, что женщина ее мать, хотя очевидного внешнего сходства между ними не заметил. Женщина была стройная, симпатичная, намного моложе Траска. Кожа смуглая с медовым отливом, густые черные волосы небрежно перевязаны на затылке темной лентой. Джинсы

выцвели и измазаны краской, а толстый свитер был больше размера на два, чем ей полагалось. От этого она казалась еще моложе, и я решил, что у нее не могло быть сына-тинейджера.

– Мы принесли вам кофе, – объявила девочка, осторожно протягивая кружку.

– Спасибо. Держу. – Я поспешил ее принять и улыбнулся матери. Она улыбнулась в ответ, но коротко, и улыбка тут же погасла. Женщину в обычном понимании я бы не назвал красивой. Для этого черты ее лица были слишком резкими. Но безусловно привлекательной – с потрясающими зелеными глазами, которые казались еще более выразительными на фоне оливковой кожи. Я невольно подумал, что Траску с женой повезло.

– Папа сказал, что вы застряли на гасти, – проговорила девочка и перевела взгляд на мою машину.

– Верно. Хорошо, что он оказался поблизости и подцепил меня на буксир.

– Он говорит, что это был идиотский поступок.

– Фэй! – оборвала ее мать.

– Это он так сказал.

– И был прав, – грустно улыбнулся я. – Во второй раз я бы туда ни за что не полез.

Дочь Траска внимательно посмотрела на меня. Собачонка шлепнулась у ее ног и, высунув из пасти язык, ела хозяйку глазами. Она была очень молода, почти щенок.

– Откуда вы? – спросила девочка.

– Из Лондона.

– Я знаю кое-кого из Лондона. Это там, где...

– Все, Фэй, не будем мешать джентльмену. – Мать покосилась на меня скорее холодно, чем недружелюбно. – Как долго вы собираетесь здесь задержаться?

– Понятия не имею. Похоже, мне не повезло сломаться в очень неудачный день. – Слабая попытка пошутить явно не имела успеха. Я пожал плечами. – Гаражист из Кракхейвена не согласился мне помочь, так что придется дожидаться ремонтную службу.

Я заметил ее реакцию в ответ на упоминание о гаражисте, но больше она ничего не сказала.

– Когда они обещали пристать вам людей?

– Ничего не сказали. Но я избавлю вас от своего присутствия, как только сумею.

– Надеюсь. – Ее зеленые глаза блеснули. – Пошли, Фэй.

Я глядел им в спины. Стройная и спокойная жена Траска покровительственно положила ладонь на плечо дочери, а собачонка, обогнав их, бросилась со всех лап к дому. «Грубовато, ничего не скажешь. Как это понимать? – размышлял я. – Обитатели Блэкуотерса всегда так встречают чужаков или ко мне особенное отношение?»

Но у меня было много более важных проблем, кроме здешней враждебности, и я выкинул ее из головы.

Глава 7

Мягкие берега протоки размывались. Приливы и течения объединили усилия, углубляя выемку в песчаной почве, ставшую похожей на укус, обрамленный тростником и спартиной. Она превратилась в естественную ловушку, где в медленно текущей воде плавал всяческий мусор. На ветки и стебли наталкивались выброшенные продукты рук человеческих: то грязная кроссовка, то голова куклы, пластиковые бутылки, пищевые контейнеры, – все кружило в общем водовороте.

В Бэкуотерсе царил покой. Казалось, что миром правят чайки, болотная топь и вода. И еще небо. Плоский пейзаж подчеркивал его необъятность и сводчатую высоту. Если смотреть со стороны, откуда я явился, дом Траска просвечивал сквозь деревья в паре сотне ярдов от меня. Допив кофе, я отправился вдоль протоки, воспользовавшись своего рода тропинкой – полоской голой земли, вившейся в жесткой густой траве. Впрочем, она вскоре потерялась, и я понял, что уйти далеко не удастся: на пути то и дело встречалась то наполненная водой яма, то лужа. Проще было бы плыть на лодке, но и тогда я бы быстро потерялся в хитросплетениях солончаков и тростника.

Вода кружила кроссовку и теннисный мяч, а я смотрел на них и словно не замечал. Не смог бы усидеть без дела в промокшей машине, дожидаясь ремонтников. С Ланди я еще не говорил, но понимал, что совещание у патологоанатома уже должно начаться. Долго оно не продлится, а затем, со мной или без меня, Фриарс приступит к исследованию останков. Хотя какая разница? Я не надеялся, что сумею чем-нибудь помочь. У меня не было иллюзий, почему меня включили в расследование, и поскольку сэр Стивен опознал сына, мое присутствие стало тем более лишним. Теперь, хотя труп сильно разложился, установление личности превратилось скорее в формальность. Как и выводы по поводу содеянного: все – разве что за исключением отца – считали, что Лео Уиллерс убил Эму Дерби, а затем, сломавшись под гнетом совершенного, покончил с собой.

Так почему я мучаюсь и так переживаю?

Я обвел взглядом залитый водой пейзаж. Недалеко от места, где я стоял, лежала гниющая, разваливающаяся старая лодка – нос на берегу, корма погрузилась в воду. Рядом погибающая ива: толстый ствол в пятнах, с нижних веток свешивались клочья мертвой травы и водорослей, напоминая, что в протоке не всегда, как теперь, спокойно. Неудивительно, что тело Уиллерса так долго не обнаруживали – оно несколько недель лежало в какой-нибудь яме на дне, пока не всплыло и его не вынесло приливом в устье. Вполне вероятный сценарий.

За одним исключением: я продолжал считать, что шесть недель для такого развития событий слишком долгий срок. Четыре – возможно, но не шесть. Даже если большую часть времени тело покоилось на дне протоки, дважды в сутки оно подвергалось воздействию приливов. Его волочило бы по песку, колотило о камни и скалы, нарушая целостность. И все это время продолжались внутренние процессы, еще более способствуя ускорению разрушения. Я убеждал себя, что холодная вода и зимний воздух тормозили разложение, что оценка прошедшего с момента смерти времени и в более благоприятных условиях не точная наука. Что уж говорить о здешнем устье. Напрасно.

Шесть недель – это слишком много.

Хорошо, допустим: Лео Уиллерс заперся от всех и две недели до бесчувствия плл. А затем приехал сюда и застрелился. Возможно. Хотя я сомневался, что такой человек, как он, способен превратиться в абсолютного отшельника. Но я его не знал. И замышляющие самоубийство люди могут быть непредсказуемыми.

Хотя в это объяснение я тоже не мог поверить.

Пробравшая дрожь напомнила мне, что пора возвращаться. Сигнал мобильного оператора вдали от дома загудел, а я понимал, что Ланди может попытаться связаться со мной. Надо было также выяснить, какова ситуация с ремонтниками. И еще позвонить Джейсону и сообщить, что я не сумею попасть к ним на праздник. Последняя миссия мне казалась из самых приятных.

Я повернул и пошел обратно к дому. После горячего кофе мне стало легче, и я решил, что прогулка поможет унять головную боль, но теперь запоздало понял, что идея была не из лучших. Несмотря на холодный ветер, я отчаянно потел, и меня, не переставая, бил озноб. Возвращение показалось непомерно долгим. Я старательно обходил каждую яму с водой, которых как будто стало гораздо больше, чем я запомнил. Подходя к дому, я чувствовал, что совершенно выбился из сил, руки и ноги налились свинцом. На гравиевой площадке рядом с моей машиной стояла еще одна, но, к сожалению, не из службы технической поддержки. Если только мне в помощь оттуда не отправили старый белый «Форд Фиесту» с ярко-красной гоночной полосой поперек крыши.

Сын Траска опять копался под капотом белого «Лендровера». Рядом, поджав губы и сложив на груди руки, стояла блондинка, как я решил, хозяйка «Фиесты». Ей было около двадцати. Симпатичная, но, на мой взгляд, полноватая. И расфуфыренная: ее юбка в обтяжку, туфли на высоких каблуках и яркий макияж больше подходили для субботней вечеринки, чем для этого места.

Ни один из них не заметил моего приближения, и их голоса свободно разносились над береговой тропинкой.

- Слушай, Джемми. Ну, почему, нет? – У нее был эссекский выговор.
- Ты знаешь, почему, – ответил сын Траска, не отрываясь от работы.
- Это было сто лет назад. Я специально приехала, как только услышала.
- Я тебя не просил. Не можешь... – он осекся, почувствовав мое присутствие.

Девушка обожгла меня взглядом, словно это я был виновником их спора. Я, изобразив усталую улыбку, прошел мимо к моей машине. Не обращая больше на меня внимания, она снова повернулась к сыну Траска. Ее маникюр был кроваво-красным, и видневшиеся в открытых спереди туфлях ногти на пальцах ног соответствовали ему по цвету.

- Ладно тебе, Джемми, он не узнает.
- Мне все равно.
- Тогда в чем проблема?

Он не ответил. Я всеми силами старался их не слушать, но это оказалось невозможно.

– Джемми, почему ты не хочешь со мной говорить? – Девушка вновь не получила ответа, и ее тон стал осуждающим. – Раньше ты таким не был!

- Стейси...
- Не был! Не моя вина, что...
- Господи, прекрати!

С грохотом захлопнулся капот «Лендровера». Я обернулся: сын Траска, оставив девушку одну, шел к дому.

– Джемми! – Она крикнула ему в спину. – Ну, и черт с тобой! – Хлопнула входная дверь, и звук долетел сквозь деревья. – Придурок!

Она отвернулась, и ее лицо сердито вспыхнуло. На ее глаза наворачивались слезы, но тут она увидела меня, и ее губы скривились.

- Чего уставился?

Рванула дверцу «Фиесты», плюхнулась на сиденье и взяла с места так, что из-под колес полетел гравий.

Оказывается, не у одного меня выдался плохой день.

Девушка вывернула на дорогу, и вскоре звук мотора затих. Только плескалась в протоке вода и кричали чайки. Я проверил телефон, не поступили ли сообщения, но не было ни одного – ни от Ланди, ни от службы ремонтников. Я уже собирался убрать трубку, когда прозвучал вызов.

– Только что получил ваше сообщение, доктор Хантер, – сказал детективный инспектор. – Был в морге. У вас неприятности?

Я окинул взглядом плоское пространство лугов и воды, словно в этом пейзаже мог почерпнуть хоть малейшее вдохновение.

– Можно сказать и так.

Не вдаваясь в детали, объяснил, что моя машина обездвижилась и я понятия не имею, когда ее починят. Против всех ожиданий Ланди не высказал раздражения, но был, как всегда, дружелюбен.

– Теперь уже вам нет смысла приезжать в морг, – объявил он, когда я кончил. – Когда я оттуда выходил, Фриарс уже подбивал бабки. Никаких неожиданностей. Вероятная причина смерти контактная ружейная рана в голову. Труп мужчины и рентгеновское исследование не выявили костных повреждений, которые бы дали повод усомниться, что это Лео Уиллерс. На задней крышке часов надпись от матери, одежда соответствует той, что носил он. Нельзя категорично утверждать, что она его, но тех же дорогих торговых марок. В ожидании результатов экспертизы ДНК достаточно надежные основания для установления личности.

– А что с застрявшим в пищеводе кусочком металла? – Я повернулся к дому, чтобы убедиться, что никого нет рядом.

– Отправили в лабораторию вместе с пыжом из патрона. Он сильно деформирован, поэтому нельзя с определенностью сказать, дробина это или нет. Но вы были правы: материал скорее сталь, чем свинец. И судя по виду, нержавеющая. – Ланди фыркнул. – Вот и все. Никаких премудростей, поэтому я не думаю, что вы много потеряли.

Я тоже так решил, но все равно хотел посмотреть сам.

– Взгляну завтра. Мою машину к тому времени должны починить.

Если даже не починят, найму другую. Вряд ли открою что-нибудь еще, кроме того, что удалось Фриарсу, но, по крайней мере, попытаюсь. Детективный инспектор кашлянул.

– Спасибо, но не думаю, что в этом есть необходимость. – По его голосу я понял, что он в замешательстве, и подавил в себе желание его переубедить – понимал, что дело не в нем, а в Кларке. Что бы я ни сказал, не имело никакого значения.

– Хорошо. – Я постарался скрыть разочарование. – Дайте знать, если я вам понадоблюсь.

Ланди заверил меня, что он именно так и поступит, и разъединился. Я спрятал телефон. *Ты сегодня проделал большую работу, Хантер. Прими поздравления.* Отперев свою машину, я устало опустился на водительское сиденье и вытянул наружу ноги. Вот оно как вышло. А ведь день начинался таким многообещающим.

Я следил, как чайка плескается в протоке. Вода стояла по-прежнему высоко, и берега лизали больше похожие на рябь волны. Но пройдет несколько часов, и солончаки высохнут и превратятся в грязные ямы и каналы. А затем цикл повторится опять, и так до бесконечности. Урок полезный, и, может быть, я его когда-нибудь оценю, но не сейчас – слишком для этого выдохся. Я плотнее завернулся в куртку, почувствовав новый приступ озноба, словно тело стремилось сообщить, что оно нездорово. До этого я так рвался на вскрытие, что забыл обо всем остальном. Но озноб меня колотил не просто потому, что я замерз. Гул в голове стал сильнее и сопровождался болью в суставах и горле, а когда я дотронулся до шеи, почувствовал, что гланды распухли и стали тверже.

Я сел прямее, сознавая, насколько сглупил. В последние дни мне было не по себе, и я просыпался с тяжелой, будто с похмелья, головой. Приключение на протоке подлило масло в

огонь, а я не догадался немедленно переодеться в сухое. И вот результат – озноб. Для большинства людей это был бы сущий пустяк.

Но я не из большинства.

Нож напавшего на меня в моем доме не только оставил шрам на животе, но лишил меня селезенки. Это ослабило мою иммунную систему, отчего мне всю оставшуюся жизнь каждый день придется профилактически принимать антибиотики. Я, как все, выздоравливаю от инфекций и простуд. Но постоянно существует риск постпленэктомического сепсиса, который развивается мгновенно и способен привести к летальному исходу.

Я встал и ощутил слабость в ногах – еще одно свидетельство моей глупости. Я же готовился стать терапевтом, так нужно включать мозги и не игнорировать угрожающие симптомы! И вот то, что начиналось как неудачный день, превратилось в нечто иное.

Когда я шел открыть багажник, меня от слабости буквально шатало. Моя работа предполагает поездки – во всяком случае, так было раньше. Иногда я оказывался в более глухих, чем здешние, местах и поэтому всегда возил с собой антибиотики на непредвиденный случай. Амоксициллин – антибиотик широкого спектра, намного сильнее пенициллина. Он бесполезен против вирусов, зато помогает победить бактериальную инфекцию.

Я проглотил таблетку и запил водой из бутылки, которую тоже возил в багажнике, и, снова рухнув на водительское сиденье, стал размышлять, как поступить. Если у меня развивается постпленэктомический сепсис, мне срочно нужно в больницу. Хотя, с другой стороны, это может быть обыкновенный вирус, от которого я избавлюсь без неприятных последствий.

Проблема заключалась в том, что я никоим образом не мог этого узнать. Сейчас я не чувствовал себя настолько плохо, чтобы лечь в больницу, но мое состояние могло вскоре измениться. Особенно если я и дальше буду сидеть в мокрой одежде. *Ладно.* Я быстро оценил варианты. Возвращение в Лондон явно не вариант, но и торчать здесь дальше – не вариант тоже. Когда я встал, голову разрывало. Переждав, чтобы боль немного утихла, я направился по гравиевой дорожке между деревьями.

Вблизи дом Траска производил еще большее впечатление: современный, угловатый со стенами из обветренного кедра, отлично сочетающимися с окружающим пейзажем. Он был приподнят над землей на бетонных опорах, что спасало его от наводнений, но также означало, что к входной двери мне придется подниматься по лестнице. Тащась наверх, я чувствовал младенческую слабость и, прежде чем постучать в промасленные доски, остановился перевести дыхание. Внутри залаяла собака, и через мгновение мне открыл Траск. Мое появление его явно не обрадовало.

– Ремонтники приехали?

– Нет. Я... передумал. Здесь есть поблизости гостиница?

– Гостиница? – Траск произнес это так, словно это понятие ему было вовсе незнакомо. – Понятия не имею. Скорее всего, нет.

– Пансион с ночлегом или паб?

– Ничего подобного на мили вокруг. А что? Только не говорите, что собираетесь превратить свое приключение в воскресный отдых. – Он поднял на меня глаза, и его раздражение немного утихло. – С вами все в порядке? Вы ужасно выглядите.

– Все нормально. Просто подцепил вирус. – Я разыгрывал последнюю карту – других мыслей у меня не было. – По пути сюда мы проехали дом, который предлагают внаем. Вы знаете хозяев?

Если хозяева местные и готовы его сдать на несколько дней, я мог бы там отсидеться, пока не подействует антибиотик. Некий голос твердил мне, что я совершаю глупость, настолько рискуя, но я не обращал внимания.

Траск неуверенно на меня посмотрел.

– Вы о старом эллинге?

Я с облегчением кивнул.

– Знаете, кому он принадлежит?

– Нам. – Он словно опешил. – Жена его перестраивает.

В другое время я бы заметил, что что-то не так, но в этот момент все мои силы уходили на то, чтобы держаться на ногах.

– Понимаю, насколько я вам в тягость, но не мог бы я там переночевать? – Видя, что моя просьба его несколько не обрадовала, я быстро добавил: – Заплачу за целую неделю.

Траск отвернулся и провел ладонью по волосам.

– Право не знаю... там ничего не готово.

– Неважно. Достаточно, если есть кровать и какое-нибудь отопление.

Траск по-прежнему колебался, но затем снова посмотрел на меня, и мой вид его убедил.

– Подождите здесь. Сейчас позову Рэйчел, она знает об этом месте больше, чем я.

Он, оставив меня на улице, закрыл передо мной дверь. Я был слишком слаб, чтобы обижаться: решил, что Траск испугался, как бы я не заразил его родных. Прислонился к стене, уперев голову в обветренное дерево, и стал ждать, когда снова откроется дверь. Мне показалось, что прошло немало времени, прежде чем появилась его жена. Привлекательные черты лица сложились в суровую мину, зеленые глаза холодно смотрели на меня.

– Эндрю сказал, вы хотите снять эллинг?

– Только на одну ночь.

– Что, сильно простудились? – Она протянула мне ключи. – Подождите в машине, пока я соберусь. Можете включить отопитель.

Я был слишком измотан, чтобы смущаться, и поплелся через рощицу к автостоянке. Жена Траска не сказала, в какую садиться машину, но ключи были с электронным брелком, так что это был не допотопный «Дефендер». Я забрался в более новый серый «Лендровер» и, ощущая что-то вроде дежавю и вспоминая машину, которую некогда водил, завел мотор. Пока отопитель прогревал салон, я отменил заказ в службе технической поддержки. Мне ужасно не хотелось доставлять Траску и его родным хлопот, но выбора не было.

Затем я набрал Джейсону сказать, что не сумею приехать в Котсуолдс. Сначала он не поверил – решил, что я придумал уловку, чтобы проигнорировать вечеринку, но что-то в моем голосе его убедило. Джейсон забеспокоился и просил меня поберечься. Я обещал, понимая, что с заботами о себе опоздал. Я убирал телефон, когда появилась жена Траска. Она несла картонную коробку и пакеты, в которых, как я предположил, были полотенца и постельное белье. Подчиняясь рефлекторному желанию помочь, я вылез из машины, но она резко мотнула головой.

– Справлюсь.

Как ей угодно. Пока она сердито запихивала пакеты в багажник «Лендровера», я взял из своей машины ноутбук и походную сумку. Ноги казались ватными.

– Все? – спросила она, когда я вернулся. – Тогда поехали.

Несмотря на отопитель, я по-прежнему дрожал. Женщина не разговаривала, но выражала свое недовольство тем, как переключала передачи. Молчание затянулось, и я решил, что должен что-нибудь сказать.

– Простите, что доставляю вам неудобство.

– Там уют на выходные, вот что там такое.

Новый нервный рывок ручки переключения передач. Я сделал новую попытку.

– Я честно не знал, кому принадлежит эллинг, когда спрашивал о нем.

– Какая разница, кому?

– Просто надеялся освободить вас от своего присутствия.

– Освободили, нечего сказать.

Ее лицо в профиль выражало непререкаемую злость. Я не понимал, что ее так расстроило, но чувствовал, что с меня довольно.

– Ладно, забудем про эллинг. Просто выбросьте меня где-нибудь.

– То есть вы передумали?

Вот напасть!

– Остановитесь, и я выйду.

С обеих сторон протоки не было ничего, кроме болот и голой земли, но мне стало все равно. Женщина нахмурилась.

– Не смешите меня. Я не могу вас оставить в чистом поле.

– Тогда доведите туда, где я смогу взять такси.

Она покосилась на меня, и я постарался унять дрожь.

– Вам нездоровится.

– Я в порядке, – ответил я, понимая, что веду себя упрямо и глупо.

Жена Траска промолчала, и некоторое время мы ехали в тишине.

– Это не просто простуда? – затем спросила она.

Я собирался огрызнуться, но более разумная моя составляющая заставила смириться – сейчас не время тешить гордость.

– У меня проблемы с иммунной системой.

– Что за проблемы?

– Ничего заразного. – Я догадался, каков ход ее мыслей. И хотя не хотел пускаться в объяснения, не видел способа обойти тему. Вот черт! – У меня нет селезенки.

Жену Траска мои слова насторожили и встревожили.

– Тогда вам надо к врачу.

– Я сам врач. Принимаю антибиотики. Сейчас мне нужно место, где отлежаться.

Новый искоса взгляд, на этот раз в глазах мелькнуло сомнение.

– Мне казалось, что вы сказали Эндрю, что вы судебный эксперт.

– Так и есть. – Я пожалел, что начал этот разговор. – Работал когда-то терапевтом.

– Видимо, не очень хорошим. С какой головой можно вот так, как вы, сидеть в мокрой одежде? Почему ничего не сказали?

Оглядываясь в прошлое, я не мог не согласиться, что сваял дурака, но сил продолжать разговор не осталось, и я повторил:

– Со мной все будет хорошо.

– Надеюсь. – Ее взгляд дал мне понять, что она вовсе в этом не уверена. – Ну вот, приехали.

«Лендровер» выскочил на засыпанную шлаком автостоянку, и жена Траска затянула ручник. Эллинг представлял собой небольшое каменное строение, выдающееся с берега протоки. Нижняя часть находилась в воде, линия на стенах отмечала самый высокий уровень прилива. Верхняя половина представляла собой одноэтажное здание на уровне берега с дверью и двумя маленькими окнами по бокам. Похоже на детскую картинку дома.

Жена Траска, прислонив коробку к стене, перебирала на большом кольце звякающие ключи и приговаривала:

– Куда же ты подевался.

Наконец нашла нужный и толкнула бедром дверь. Интерьер оказался неожиданным: никаких внутренних стен, единственное помещение оформлено наподобие студии, и в ней было намного светлее, чем я мог представить снаружи. Ничем не облицованные стены покрашены в белый цвет, свет проникал сквозь большое, выходящее на протоку арочное окно. С одной стороны зона кухни, с другой – диван и кресло у дровяной печки. Мебель в стиле скандинавской шестидесятих годов: простые линии, приглушенные тона. Почти весь покрытый лаком пол застилал красный ковер.

Все выглядело новым, еще не побывавшим в употреблении, и в воздухе по-прежнему витал легкий запах свежей краски. Помещение было хотя небольшим, но светлым и воздушным – вполне достойным оказаться на страницах толстых глянцевых туристических журналов. Траск сказал, что его восстановлением занимается жена, и она проделала хорошую работу.

Женщина поставила коробку на кухонный стол.

– Мы не предполагали принимать здесь гостей до начала сезона. – Говоря, она пощелкала выключателями, и из калорифера на стене потекла струя теплого воздуха. – Не все закончено, но вам будет удобно. Дровяная печка, если потребуется, тоже работает. Телевизора и вай-фая нет, но мобильный сигнал обычно ловится. Ванная вон там. – Она показала на дверь пристроенной в углу кабинки.

Я кивнул, но, на мой взгляд, чего-то все же недоставало.

– А где кровать?

Мне очень не хотелось спать на коротком диване.

Жена Траска подошла к отделанной грубо отесанными досками части стены, потянула за кожаный ремень, и конструкция, повернувшись, опустилась на пол и превратилась в кровать.

– Сейчас принесу из машины одеяла и постельное белье, – проговорила она без всякого энтузиазма. – А вы пока расслабьтесь.

Я не возражал и опустился в кресло у арочного окна. Несмотря на струю теплого воздуха из калорифера, муть в голове и дрожь не унимались. Меня знобило, все тело болело, и я чувствовал жуткую слабость. Уровень прилива в протоке стал значительно ниже. Насколько хватало глаз, снаружи были только поля, дюны и вода. Я начал сомневаться, правильно ли поступил, что не стал искать гостиницу. Если мое состояние ухудшится, помощь придет не скоро. Здесь мне приходится надеяться только на себя.

Но я к этому привык.

Когда жена Траска вернулась, я попытался подняться на ноги, но она отмахнулась от моей помощи.

– Не вставайте. – Она даже улыбнулась. Как-то напряженно, но все-таки улыбнулась. – Лучше сидите, а то еще упадете.

В ее словах была правда. Быстро застелив кровать, она распрямилась и осмотрелась.

– Кажется, все. Я оставляю вам чай, кофе, немного супа и какие-то мелочи, чтобы вы не голодали. Если нужно что-нибудь еще, говорите.

– Нет, спасибо. – Я хотел только одного: чтобы она поскорее ушла и я мог рухнуть на кровать.

– Я возьму ваши ботинки. У нас есть сушильное помещение, поставим их туда. Завтра их вам кто-нибудь занесет. – Она с сомнением посмотрела на меня. – Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Не беспокойтесь.

– Я запишу вам мой номер телефона на случай... Ну, просто на всякий случай. – Она черкнула номер на страничке извлеченного из кухонного шкафчика блокнота и протянула мне. – Хотите, я позвоню и сообщу, что вы у нас? Вашей жене или кому-нибудь еще?

– Не надо. Но все равно спасибо.

Она собралась уходить, но на пороге замялась.

– Простите, что повела себя так с вами. Странный выдался день. Эмоции зашкаливали. У всех у нас.

Если бы не моя болезнь, я бы заинтересовался, что она имела в виду, но теперь мне было не до этого.

– Все нормально. Я ценю, что вы и ваш муж для меня сделали.

– Мой муж? – Она озадаченно посмотрела на меня, но в следующее мгновение поняла мою ошибку, и ее лицо прояснилось. – Вы имеете в виду Эндрю?

– Извините... я решил...

– Энрю мне не муж. Он мой шурин.

Ее щеки вспыхнули. Я силился подыскать какие-то слова, но она уже взялась за ручку двери.

– Позвоните, если что-то понадобится. – Она ушла, больше на меня не взглянув.

Дверь за ней закрылась. Я посмотрел на листок из блокнота в моей руке, заранее зная, что там написано. Над цифрами петлеобразными буквами было выведено ее имя.

Рэйчел Дерби.

Глава 8

На следующее утро меня разбудили крики чаек. Вырвавшие из глубокого сна хриплые вопли были настолько громкими, что казалось, птицы находятся в той же комнате, что я. За веками светилась легкая белизна, что было странно, поскольку я сплю с закрытыми шторами. Мне не хотелось вставать, и я попытался не обращать внимания, но все-таки открыл глаза и уставился в незнакомый остроконечный в середине незнакомый потолок с белыми балками перекрытия. Я понятия не имел, где нахожусь, но затем вспомнил.

Все-таки пока еще живой.

Я еще немного полежал, уютно согрвшись под одеялом. Спешки вставать не было, и я, старательно оценив свое состояние, решил, что чувствую себя лучше. Намного лучше.

И голоден.

Добрый знак. Вечером я почти ничего не ел. После того, как Рэйчел Дерби ушла, я подумал, не принять ли душ, но сил на это не хватило. Проглотил пару таблеток парацетамола, чтобы сбить температуру, открыл консервированный томатный суп и, пока стягивал с себя все еще мокрые брюки, подогрел его на электрической варочной панели. Съел, сколько мог, но так сильно дрожал, что ложка бренчала, колотясь о чашку.

Аппетита не было, и большая часть супа осталась нетронутой. Я улегся на кровать и натянул на себя одеяло. Каждый приступ озноба вызывал сомнения: не случилось ли так, что в этот полный неправильных решений день решение отказаться от больницы оказалось роковым. Несколько часов я словно в лихорадке дремал, но в какой-то момент провалился в настоящий сон.

Взглянув на часы, я обнаружил, что перевалило за десять. Глядел на деревянные балки над головой и слушал, как птицы царапают ногами по крыше. Не удивительно, что у меня сложилось впечатление, что они рядом, – практически так и было. Источник другого звука я определил не сразу. Я находился на верхнем этаже эллинга, под которым располагался док. Наступило, по-видимому, время прилива, и под досками пола раздавался негромкий плеск воды.

Я осторожно сел, спустил ноги с кровати и, выждав несколько мгновений, встал. Чувствовал себя измочаленным, но гораздо лучше, чем накануне. Следовательно, моя болезнь не результат постпленэктомического сепсиса, а какой-то недолговечный вирус, с которым справился антибиотик или моя иммунная система. Если не перенапрягаться, через день-другой я приду в себя.

И вот я проголодался. И, поведя носом, почувствовал, что мне срочно необходимо встать под душ. Как бы ни хотелось есть, я получу от пищи двойное удовольствие, если примусь за нее чистым. Ванная была миниатюрной, но спланирована так же хорошо, как все остальное в студии. Я стоял под горячими иглами воды, наслаждаясь каждым уколом. Чистый и выбритый, я переделся в то, что захватил для вечеринки у Джейсона и Анжи. Затем принялся изучать, что у меня есть на завтрак.

Обнаружил в холодильнике молоко, масло, яйца и полбатона хлеба, плюс на кухонном столе неоткрытую банку с мармеладом. Сделал два тоста, пожарил яичницу из двух яиц, а в это время в чайнике закипал кофе. Жадно поел за маленьким столом, затем сделал еще тост с маслом и мармеладом.

Закончив, я почувствовал себя лучше, чем в несколько прошлых дней. Еще заварил кофе и, захватив к окну чашку и глядя, как плещутся чайки в наполовину обмелевшей протоке, впервые позволил себе задуматься о ситуации, в которую сам себя загнал.

По всем понятиям, я здорово свалил дурака. Ланди мне сообщил, что предполагаемая жертва Лео Уиллера Эмма Дерби была замужем. Но мне даже не пришло в голову, что у нее

может быть другая, чем у супруга, фамилия. Даже когда Траск упомянул о жене, я не связал одно с другим, полагая, что он говорит о Рэйчел.

Сестре Эммы Дерби.

Меня поразила степень моей оплошности. Неудивительно, что все они на взводе. Вчера Траску и его родным пришлось выдержать мучительные испытания. Если им ничего не сказали полицейские, слухи все равно ползли о том, что обнаружили в устье. Хотя Эмма Дерби пропала слишком давно, чтобы выловленное из воды тело принадлежало ей, родственники не могли не заволноваться, понимая, что если это не она, значит, тот, кто ее убил.

Рэйчел прямо сказала накануне вечером: *Странный день. Эмоции у нас у всех зашкаливали.* Я поморщился, понимая, каким бесчувственным мог показаться окружающим. Ведь они полагали, что в качестве полицейского консультанта я знал, кто они такие. Однако, ослепленный собственными неурядицами, я не сумел разобраться, что оказался в убитой горем семье.

Но что случилось, то случилось, теперь я ничего не мог изменить. Только извиниться и как можно скорее убраться отсюда, оставив их в покое. Но сказать это проще, чем сделать: продолжались выходные, и моя сломанная машина застыла на площадке у дома Траска.

Допив кофе, я позвонил ремонтникам. Как сказала Рэйчел, сигнал мобильной связи в эллинге ловился, но был слабым. Пришлось искать место у окна, где он был сильнее. Но набрав номер и нажав из меню клавишу «не авария», обнаружил, что поставлен в очередь. И пока ждал с кем-нибудь поговорить, оглядел студию. Интерьер простой, но прекрасно выполненный – в таком месте в других обстоятельствах я с удовольствием пожил бы дольше. У жены Траска был явно дизайнерский талант. Подумав о ней, я заметил у стены фотографии в рамках и вспомнил, что Ланди упомянул, что она была фотографом. Сделал шаг к ним и – вот незадача – потерял сигнал, как только отошел от окна.

Пришлось звонить снова и опять занимать очередь в самом конце. *Невезуха!* Я включил в трубке динамик громкой связи, положил телефон на подоконник и подошел к фотографиям. Их явно приготовили, чтобы развесить на стенах эллинга, и я посчитал, что никто не будет против, если я их посмотрю. Их было с дюжину, разного размера, но все черно-белые. Внизу на каждой одна и та же витиеватая подпись: *Эмма Дерби.*

Сюжеты в основном натюрморты и пейзажи. Этюды самого эллинга и протоки, тенистые унылые виды, отражения в воде. На других – морской форт, солнечные брызги на волнах, искусное изображение монохромного заката. Я не знаток фотографии, но эти показались мне достойными и лишь немного раздражительными. Особенно одна: снимок сияющего мотоцикла на песке был явно постановочным, заявляя о своей принадлежности к искусству «арт-постера».

Из портретов был всего один. В объектив улыбалась миловидная женщина с обрамляющими лицо длинными темными волосами. Обнаженная, если не считать искусно драпирующего ее белого полотна. Выполненное тем же почерком, что подписи, название гласило «Я».

Это было первое фотографическое изображение Эммы Дерби, которое я увидел. Даже делая поправку на несамокритичность автопортрета, я не мог не отметить, что она женщина привлекательная. И Эмма, безусловно, об этом знала. Требовалось самоуверенность (или тщеславие), чтобы позировать подобным образом. В глядящих в объектив глазах довольство собой, в наклоне подбородка – надменность. Я понимал, что неправильно делать поспешные выводы, но не представлял, как могла изображенная на снимке уверенная в себе женщина поселиться в столь уединенном месте и выйти замуж за Траска – мужчину старше себя с сыном-тинейджером и маленькой дочерью. Ланди мне сказал, что Эмма Дерби переехала сюда два или три года назад после того, как вступила в брак, следовательно, она не могла быть матерью Фэй и Джемми. Инспектор также сообщил, что ее брак не заладился еще до ее интрижки с Лео Уиллерсом. Теперь я начал понимать, почему.

Рассматривая фотографию, я искал сходство между сестрами. Немного похожи были глаза и пышные темные волосы, но если бы я не знал об их родстве, то никогда бы не догадался,

что они сестры. Рэйчел Дерби не выглядела такой же эффектно привлекательной, но она, как я догадывался, не прибегала столь усердно к помощи макияжа и освещения.

Вот еще одно поспешное суждение. Пока я рассматривал остальные фотографии, из динамика телефона записанный на пленку голос все еще предлагал оставаться на линии. Я едва успел установить их обратно к стене, когда раздался стук в дверь.

Я смутился, словно меня застали за чем-то неподобающим, и, убедившись, что фотографии не соскользнут на пол, пошел посмотреть, кто ко мне пришел.

И немного растерялся, когда, открыв дверь, обнаружил за ней Траска. На нем была все та же поношенная кожаная куртка, но суровое лицо чисто выбрито. В одной руке он держал мои ботинки, в другой сумку-холодильник из моей машины.

– Можно войти?

Я посторонился, давая дорогу. Он огляделся так, словно впервые видел студию внутри.

– Заварить кофе? – предложил я.

– Нет. Я на минутку. Проверить, что с вами.

– Спасибо. Мне лучше.

– Рад слышать. Принес вам вот это. – Он протянул мне ботинки, а сумку-холодильник поставил на пол. – Рэйчел ботинки высушила, но их необходимо вычистить, иначе соль их разъест.

– Благодарю. – Я оценил жест, но решил, что истинная причина, почему он явился, – проверить, пережил ли их постоялец ночь. Я его не винил. – Хочу извиниться за вчерашнее. Я понятия не имел, кто вы и ваши родные, иначе не поставил бы вас в такое положение.

– Да, наслышан. – Он пожал плечами. – Откуда вам было знать? И я не должен был предполагать, что знаете.

Траск опустил глаза на сумку-холодильник, и морщины на его лице стали глубже. Сумка была моя либо точно такая, как у меня, и я решил, что он сейчас объяснит, почему он ее принес. Но он вместо этого сказал:

– Джемми по своей инициативе принялся за вашу машину. Соленая вода испортит двигатель, если оставить ее надолго. Надо было сначала поговорить с вами, но я подумал, что вы хотите пораньше уехать, и велел продолжать. Надеюсь, вы не возражаете.

Я понимал, что Траск с родными не могли дожидаться, чтобы я поскорее убрался, но был не в восторге, что за мою машину взялся его сын. Вчера он не хотел ее чинить. Я боялся показаться неблагодарным, если ремонт настолько сложен, как Джемми вчера сказал, но вовсе не обрадовался, что мой автомобиль оказался в руках подростка, и ответил, тщательно подбирая слова:

– Я полагал, что нужна мастерская. Он сумеет справиться здесь?

– Сказал: если соль не сильно корродировала мотор, он все поправит. Не тревожьтесь, Джемми свое дело знает. Это он с нуля починил свой старый белый «Лендровер». Скопил деньги и купил его в пятнадцать лет. Что мог, восстановил, другие детали приобрел на барахолке или в Интернете. Он вполне способен разобрать и промыть двигатель.

Слова Таска прозвучали как констатация факта, а не хвастовство. Я не мог не подумать, что лучше бы такое предложение мне сделали вчера, но у этих людей было много других забот, кроме того, чтобы выручать меня.

– Смотрите, я еще могу позвонить в ремонтную службу, – предложил я. – Зачем портить вашему сыну выходной?

– Он не против. Машины его хобби. Если вас устроит его работа, можете ему заплатить. На будущий год парень поступает в университет, так что деньги ему пригодятся. – Траск повернулся к телефону, который наигрывал резкую мелодию. – Не похоже, чтобы ваши ремонтники быстро приехали.

В его словах был резон. Если его сын сумеет починить автомобиль, я избавлю их от своего присутствия гораздо быстрее, чем дожидаясь буксировщик ремонтной службы. Но тут мне кое-то пришло в голову. Я посмотрел на лежащие на кухонном столе ключи от машины.

– Как ему удалось открыть капот?

– Тем же способом, как багажник. Вы оставили машину незапертой.

Я был вчера совершенно не в себе. Помнил, как брал вещи из багажника, помнил, как Рэйчел грузила в «Лендровер» коробку и пакеты, но ни за что не мог припомнить, чтобы потом закрывал автомобиль. Я лихорадочно пытался восстановить в памяти, что лежало в багажнике. Грязный комбинезон, болотные сапоги и саквояж с моими профессиональными инструментами. Никаких секретов и тайн, но обычно я веду себя аккуратнее.

– А это я принес потому, что Джемми почувствовал запах. – Траск сделал движение, будто хотел пнуть сумку-холодильник, но лишь слегка дотронулся носком ботинка. Хмурое выражение лица сменила мина отвращения. – Мы не открывали, но я не хотел терпеть ее у дома.

Не успел он сказать о запахе, как я почувствовал сам. Острый, аммиачный, он сочился изнутри. Я наклонился открыть крышку, запах стал сильнее, и Траск поспешно отступил.

– Вчера я ехал к друзьям, – начал объяснять я, демонстрируя сыр и вино. Лед в пакетах давно растаял. С алкоголем ничего не случилось, а вот зрелый «Бри» от недостатка охлаждения пострадал.

Траск огороченно смотрел на мои продукты, а затем рассмеялся.

– Господи, а я-то подумал... ну, вы понимаете...

Я понял. Зная о моем ремесле, он предположил, что в сумке-холодильнике зловещая улика. Веселие прошло, и лицо Траска приняло обычное суровое выражение.

– Мне звонил инспектор Ланди. – Он постарался, чтобы его голос звучал по-деловому. – Не официальный звонок – жест доброй воли. Он сказал, что обнаруженное в устье тело почти наверняка принадлежит Лео Уиллерсу.

Я хотя и удивился, но понимал, что Ланди знаком с семьей Траска с тех пор, как пропала Эмма Дерби. Успокоить людей на этой стадии пусть не по протоколу, но зато по-человечески. Благодаря своему поступку детективный инспектор сразу вырос в моих глазах.

Но комментировать его слова не собирался и безучастно кивнул.

Траск, хмурясь, уставился в пол.

– Понимаете... вчера нас совершенно переключило... Так вот: Джемми рассчитывает починить вашу машину к обеду. Но точнее скажет позже, когда станет ясно, насколько пострадал двигатель. Если потребуется больше времени... – он как будто с трудом подбирал слова. – Поскольку это место предназначено для сдачи и если понадобится, вы можете остаться здесь еще на ночь.

Великодушное предложение, но я понимал, что не давало ему покоя.

– Спасибо. Но я предпочитаю уехать.

Он коротко кивнул, стараясь не показать облегчения.

– Как вам угодно. Но предложение остается в силе, если вы передумаете.

Я дал ему ключи от машины и номер моего телефона, чтобы Джемми позвонил, когда управится с работой. После того, как Траск ушел, я достал из холодильника испорченный сыр и осторожно понюхал, чтобы убедиться, что он никуда не годится. Сыр окончательно сгнил, и я, завернув его в целлофановый пакет, оторванный из рулона в шкафу на кухне, выбросил в урну на улице. Сумка-холодильник сохранила запах, и, чтобы избавиться от вонючки, пришлось ее вымыть. Даже такое усилие вызвало дрожь, и я, заварив чай, устроился с чашкой у окна. Вспомнив оплошность Траска, я снова улыбнулся. Его поведение вполне объяснимо: человек не хотел, чтобы рядом с его домом находился контейнер с частью человеческого тела.

Все это мне знакомо по опыту.

Что-то возникло в моем подсознании, но снова моментально ускользнуло. После короткой передышки я почувствовал себя лучше и, допив чай, решил посмотреть возвращенные Траском ботинки. Такие не предназначены для купания в соленой воде. Но если не считать, что стали немного жестче, были вполне пригодны для носки. Я уже собирался поставить их на пол, когда снова вернулось ощущение тревоги. Только на этот раз оно было сильнее. Я смотрел на ботинки, стараясь разобраться, что меня беспокоило. И вдруг понял и прошептал:

– Какой же я идиот!

Глава 9

Воды в протоке было меньше, чем накануне, когда я прогуливался по ее берегу. Хотя не было способа проверить, но по ощущениям до самого высокого прилива оставался час или два. Я надеялся, что не меньше.

Прежде чем выйти из эллинга, я постарался предусмотреть все, что мне понадобится. Фотоаппарат лежал в ночной сумке, поэтому, к счастью, оказался при мне. Но, прикинув, что мне еще потребуется, я не знал, где все это раздобыть. Сапоги остались в машине, а я после вчерашнего приключения больше не хотел промокать. В студии не оказалось ничего, что могло бы помочь, но я оторвал от рулона под раковиной несколько пакетов для мусорного ведра и вложил в только что вымытую сумку-холодильник. Оставив кассеты для льда охлаждаться в морозильнике маленького холодильника, вышел на улицу посмотреть, что еще можно раздобыть.

Лестничный пролет вел к пирсу и фасаду эллинга. Линия на середине высоты стены отмечала наивысшую точку прилива: над ней камни были сухими и светлыми, ниже – темными и мокрыми. В данный момент вода стояла ниже максимума, намного ниже. Путь на причал был с дальней стороны – туда вело выходящее на протоку большое квадратное отверстие. Его закрывали полузатопленные деревянные ворота, запертые на ржавый, но, судя по виду, надежный висячий замок. Но я не собирался пытаться проникнуть внутрь тем путем, однако на половине ступеней рядом с отверстием находилась небольшая площадка. Грубую деревянную калитку держала зацепленная за ржавый гвоздь веревка, поэтому я решил, что никто не станет возражать, если я загляну внутрь.

Петли поддались не сразу, когда я попытался открыть калитку. В нос ударил спертый запах погреба – воды и сырого камня. Отверстие оказалось низким, и мне пришлось пригнуться, чтобы пролезть внутрь. Пол по другую сторону был ниже, и я чуть не потерял равновесие. Меня окутал холод и мрак, и мне пришлось повременить, чтобы глаза привыкли к темноте. Когда я двинулся дальше и перекрыл собой входное отверстие, мне позволяли ориентироваться полосы света с фасада.

Отделка, превратившая верхнее помещение в студию, низа не коснулась. Я стоял на идущем вдоль стены узком настиле – слишком хлипком, чтобы считаться причалом. Во время высокого прилива этот уровень заливался водой, но сейчас грязное дно протоки лежало ниже настила. Осклизлые гнилые опоры держали множество лодочного хлама. На боку лежало каноэ с дырой в днище, из дна торчали остатки пробковых буюв, спасательных жилетов, порванных ивовых рыбацких корзин.

Я надеялся найти здесь лодочный крюк или нечто подобное, но обнаружил только короткое весло с расщепленной ручкой. Не идеальное подспорье, но все же лучше, чем ничего. Выйдя с ним наружу, я накрутил веревку на гвоздь, чтобы калитка не открывалась, и поднялся по ступеням туда, где оставил сумку-холодильник.

Это упражнение оставило меня без сил, и я, переводя дыхание, несколько мгновений отдыхал, разглядывая петляющую в солончаках протоку. И размышлял, неужели решусь. Еще сутки назад думал, что попаду в больницу, а теперь собрался совершить экскурсию по заливым солончакам, хотя, возможно, решился на пустую затею.

Но вина не чья-нибудь – моя. И надо понять, с чем я вчера столкнулся нос к носу. Хотя не исключено, что шанс уже упущен. Но если осталась хоть малейшая возможность, надо ее использовать.

Взяв сумку-холодильник, я отправился вдоль берега протоки. Утро выдалось солнечнее, чем вчерашний день, но дымка облаков придавала небу цвет свернувшегося молока. Никакой тропинки я не нашел – только ленту грязной земли, где болотная трава росла не так густо. Но

вскоре и она исчезла. Я старался смотреть на протоку, но это было нелегко – приходилось все время выбирать, куда ступать ногами.

Идти становилось все труднее: приливы вырыли в мягкой песчаной болотистой почве запутанную сеть каналов. Протока служила чем-то вроде главной магистрали, от которой отходили более мелкие артерии, а от тех, в свою очередь, другие. Путь преграждали мутные лужи и наполовину заполненные водой ямы. Одни можно было перешагнуть или перепрыгнуть, другие приходилось обходить, надеясь, что смогу выбраться обратно к протоке. Следуя вдоль канала и не находя возможности его форсировать, я остановился передохнуть. Плоский пейзаж был лишен ориентиров, кроме обрамленных осокой песчаных холмиков. Поросли тростника маскировали границу между водой и твердью, и, оглянувшись назад, я увидел только возвышающийся над остальным эллинг.

Опустив на землю сумку-холодильник, я задумался, как поступить дальше. Я надеялся, что, следуя от эллинга в сторону суши, я доберусь до того участка, куда попал накануне во время прогулки в противоположном направлении от дома Траска. Но понятия не имел, насколько это место далеко, а теперь, потеряв направление, путался в многочисленных ответвлениях и каналах, неспособный отличить их от основной протоки. Вода возвращалась в солончаки, и я рисковал либо совершенно потеряться, либо сломать лодыжку.

Нехотя пришлось признать, что пора возвращаться. И в это время я увидел на болоте фигуру. Она была слишком далеко, чтобы разглядеть детали, но когда фигура приблизилась, я понял, что передо мной женщина. А когда узнал, почувствовал странную неловкость.

Рэйчел Дерби шла в мою сторону по другому берегу наполненного водой канала, который я пытался обойти. На плече вещевой мешок, скорее ранец, чем сумка. Густые темные волосы стянуты на затылке в свободный узел. На ней прекрасно смотрелись даже высокие сапоги, старые джинсы и непромокаемая красная куртка.

Она остановилась напротив и удивленно посмотрела на меня.

– Не ожидала увидеть вас здесь.

– Вот вышел... решив пройтись. – Сознывая, каким странным могу показаться, я поднял сломанное весло. – Вот, позаимствовал в вашем лодочном доме.

– Вижу. – Ее взгляд упал на сумку-холодильник. – Собрались на пикник?

– Нет. Понимаю, это выглядит несколько странным.

– Отнюдь. Не сомневаюсь, сломанное весло вещь чрезвычайно полезная. – Рэйчел сказала это без улыбки, отчего ситуация показалась мне еще более смехотворной. – Не стану спрашивать, почему вы здесь оказались. Не мое дело. Но, видимо, у вас имеется веская причина. Но не слабы ли вы для такого предприятия? Вчера вы выглядели очень скверно.

– Сегодня чувствую себя намного лучше, – сообщил я ей.

В ее зеленых глазах мелькнуло сомнение.

– Дай бог, но надеюсь, узнаете ситуацию. Примерно через час вода поднимется, и я не советую вам бродить по этой местности. Здесь и сейчас не сахар, а когда затопит, будет намного хуже.

Я взглянул на ее сапоги и рюкзак, стараясь разобраться, хорошая или плохая меня посетила мысль.

– Насколько хорошо вы знаете здесь дорогу?

– Достаточно, чтобы помнить, какие места избегать. – Рэйчел нахмурилась. – А что?

– Я стараюсь добраться до участка, до которого дошел вчера. То место недалеко от дома, и я решил, что если буду следовать в том направлении, то окажусь где надо. – Я пожал плечами. – Оказалось не так просто.

– Добро пожаловать в Бэкуотерс. – Мне показалось, что на ее губах появился намек на улыбку, но, возможно, я это только вообразил. – Где это, куда вы хотите попасть?

– Точно не знаю. Берег там обваливается, и в грязь засосало старую лодку...

– Рядом с мертвой ивой? Представляю. Это недалеко. Но если не знать, как туда добраться, можно легко заплутать. Что очень нехорошо в момент прилива. Если вы попали туда от дома, не лучше ли повременить и идти к тому месту с той же стороны?

– Не получится. – Если я замешкаюсь, то упущу шанс – если таковой еще есть – отыскать то, что ищу. – Можете показать мне направление?

– Отсюда? – Ее тон дал ясно понять, что она думает о подобной аванюре. – Это не то место, куда можно ходить на прогулку. Я полагала, вы это поняли по своему вчерашнему опыту.

– Это очень важно.

Рэйчел, то ли осуждая мою глупость, то ли восхищаясь ею, покачала головой.

– Это имеет отношение к моей сестре?

Интересный вопрос, и мне потребовалась секунда-другая, чтобы ответить на него.

– Насколько я понимаю, нет.

Это все, что я мог ей сказать. Судя по всему, я напрасно потрачу время, но хотел выяснить, как обстоят дела.

Рэйчел окинула взглядом солончаки и убрала выбившуюся из прически прядь волос.

– Хорошо. Покажу.

Мы шли по разным сторонам наполненного водой канала, пока не добрались до места, где он сужался. Был еще достаточно широк, чтобы попытаться перепрыгнуть, но через него был перекинут примитивный мостик из старых досок. Как только я присоединился к Рэйчел, она уверенно повернула к протоке. Никаких тропинок здесь не было, но она со знанием дела находила путь через поросль, покрывающую эту местность зеленым ковром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.